

18+

ПОЛУ ВИКТОР УЛИН
его судьба **ДОЧКА**

Виктор Улин
Полудочка. Его судьба

«Издательские решения»

Улин В.

Полудочка. Его судьба / В. Улин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-607172-8

Жизнь бизнесмена Вячеслава Ганцева складывалась наилучшим образом. Его фирма процветала, становясь монополистом в городе. У него была прекрасная жена и замечательные друзья — семейная пара Войтовичей. Правда, у Ганцевых не имелось своих детей. Зато родным существом была Ксения Войтович, которую он вырастил на своих руках и называл «полудочкой». Однако человеческие отношения имеют свойство развиваться в неожиданную сторону. И никто не знает, к каким последствиям могут привести иные поступки.

ISBN 978-5-00-607172-8

© Улин В.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава первая	6
1	6
2	10
3	12
4	15
5	19
6	21
Глава вторая	23
1	23
2	24
3	27
4	30
5	35
6	41
Глава третья	43
1	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Полудочка Его судьба

Виктор Улин

Маргарите М.

Дизайнер обложки Виктор Улин

Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023

© Виктор Улин, дизайн обложки, 2023

© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-7172-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дочь именитая!
Округление бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного
художника.»*

(Песн. П. 7:2)

Часть 1

Глава первая

1

– Дядя Слава, а порулить?..

Голос Ксеньки Войтович из-за спины раздался неожиданно.

– ...Дадите?

– Дядя Слава, не вздумай давать, – мягонько сказал ее отец Виктор. – Она на той неделе сожгла сцепление у моей «четверки», от твоего «Хаммера» оставит груды обломков.

Элла Войтович язвительно хмыкнула.

Ксенькин ухажер – не то Арсений, не то Аркадий – оставался невидимым на коврик в багажном отделении, где ютился всю дорогу. Несмотря на пароходную широту американского джипа, ДПС запрещала возить четверых пассажиров на заднем сиденье.

Проблему можно было решить простейшим способом. Но Ганцев предпочитал купить в гипермаркете бутылку водки «Чайковский», нежели отдать ту же сумму сержанту в зеленом жилете за то, чтобы юный прыщавец ехал с комфортом.

Аркадий не вызывал положительных эмоций, его уделом оставалась поза эмбриона.

Жена Маргарита выразительно безмолвствовала.

– «Хаммер» – не «четверка» Жигулей, – ответил Ганцев. – У автомата нет сцепления, он ничего не боится.

– Ты ее не знаешь, дядя Слава! – возразил Войтович. – Она включит трансмиссионный тормоз на скорости сто километров в час.

– Не болтай, Витя, – отмахнулся он. – Твоя дочь...

– Твоя полудочка, – едко вставила Маргарита.

– ...Моя полудочка не сможет ему навредить. Скорее Луна упадет на Землю или Кальтенбруннер женится на еврейке.

– Кто такой Кательбунер? – подал голос Арсений.

– Подрастешь – узнаешь, – бросил Виктор.

Ганцев нажал на тормоз, остановился и поставил автоматическую коробку переключения передач в парковочное положение.

– Мы что, уже приехали? – поинтересовалась Элла.

– Нет, приплыли, – ответил он. – Рита, пожалуйста, перейди назад.

– Зачем? – недовольно уточнила жена.

– Ксения Викторовна сядет за руль, я буду ее подстраховывать.

– Ну ты даешь, дядя Слава, – воскликнул Войтович и добавил: – Твою мать!

– Лучше твою, дядя Витя, – парировал Ганцев на правах владельца самого дорогого джипа. – Извини, погорячился.

Виктор обиженно промолчал.

С семейством и будущим зятем он ютился на правах бедного родственника и не имел права голоса.

Ганцев сидел неподвижно, положив руку на селектор.

– Совсем потерял голову со своей полудочкой, – раздраженно проговорила Маргарита и толкнула свою дверцу.

В кондиционированный, поддержанный климат-контролем салон ворвался дух летнего деревенского дня.

Пахнуло свежим навозом, подсыхающим сеном, вспаханной под озимые земли, далекими костерками – и еще чем-то, неизменно бередящим душу.

– Не потерял, – миролюбиво возразил Ганцев. – Девчонка просит порулить, и кто же удовлетворит ее желания, если не любящий дядька!

– Смотри, смотри, Вячеслав Константинович, – с глубоко запрятанным ядом проговорила Элла. – У Ксении Викторовны столько желаний, что как бы ты не загнулся, пытаясь их удовлетворить.

Аркадий кашлянул, но ничего не сказал.

– Не волнуйся, Элла Эдуардовна, – парировал Ганцев. – Я не согнусь, не такие не сгибали. Ксенька благодарно приникла щекой к его виску.

Открыв водительскую дверь, он спрыгнул на землю и едва не подвернул ногу.

В сравнении с предыдущей «*Киа-Соренто*» новенький красный «*Хаммер*» был огромен, как скала. Он казался надежным, как «*Титаник*», покачивающийся у стенки в Саутгемптоне – еще не знающий, что вахтенные офицеры потеряли бинокль, а марсовые матросы балуются «*Белой Лошадью*» и болтают о девках.

К этой машине предстояло привыкать.

Жизнь Вячеслава Константиновича Ганцева – сорока-с-чем-то-летнего бизнесмена, владельца процветающей компьютерной фирмы – шла вверх, вверх и только вверх.

В нынешнем статусе следовало полагать, что через некоторое время этот брендовый джип, прибывший из Америки, станет машиной для путешествий, а по городу он будет ездить на «*Шевроле Камаро*» – столь же низком, сколь «*Хаммер*» высок.

– Ксения, дай руку, – позвал Ганцев, открыв заднюю дверь. – Не то расшибешься.

Войтович-младшая перебралась через материны коленки и показалась в проеме.

Кремовые шорты были короче трусиков его молодости.

Тонкая белая футболка с поддельной надписью «*Гоа*» ничего не скрывала.

Как и у Эллы, у Ксеньки была маленькая грудь. Но если мать носила лифчик, то дочь мелочами пренебрегала. Так делали все нынешние подростки, «*полудочка*» не выбивалась из разряда.

Еще недавно девчонка находилась в состоянии, когда ее хотелось невинно гладить по головке. Сейчас Ганцев смотрел на новую Ксенькину прическу – осветленную в верхнем слое, темную в глубине – и констатировал, что она выросла. Арсений появился недаром.

– Ловите меня, дядя Слава, – сказала Ксенька и прыгнула с высоты семьдесят пять сантиметров.

Ганцев поймал ее руки – крепкие, с сильными пальцами – и приземлил около себя.

Затем, посадив на место и бесшумно закрыв водительскую дверь, он обежал машину сзади и молодым рывком впрыгнул на пассажирское место.

– Ну вы сладкая парочка! – проговорила из-за спины Маргарита. – Вам бы только в Голливуд. Я слышала, там начался кастинг на новый римейк «*Лолиты*».

Элла фыркнула.

Мужчины: друг Виктор и припущеник Аркадий – глухо молчали.

– В общем так, Ксения, – заговорил Ганцев. – Опыта вождения на автомате у тебя нет?

– Откуда! – грустно ответила девчонка. – У папы «*пятерка*».

– «*Четверка*»! – отозвался Виктор.

– Один пес разница, – возразил он. – В этой стране никогда не было реальных автомобилей, только средства передвижения. Если из «*Волги*» не течет масло – значит, оно вытекло совсем.

– Это ты ловко сказал, – подтвердила Элла.

- Это не я, народная мудрость.
- Все равно здорово, – сказала Маргарита.
- Ну, слушай дальше, Ксения, – продолжил Ганцев. – Автоматом управлять – как нечего делать. Легче, чем открыть бутылку водки с винтовой крышкой. Единственное опасное отличие – если на механике бросить педали, двигатель заглохнет и машина встанет, а если на автомате, то она все равно будет ехать. Поняла?
- Поняла.
- Хорошо. Сейчас коробка на «Паркинге». Машина стоит. Устройся поудобнее. Педали не далеко? Подвинуть сиденье?
- Не надо, у меня ноги такие же длинные, как у вас, – Ксенька хихикнула. – Готова ко всему, дядя Слава.
- Дядя Слава, имей в виду, она всегда готова ко всему! – зловеще вклинулась Элла. – Ты заплатишься за свою слепоту!
- Ну хорошо, Ксения, – сказал Ганцев, игнорируя предупреждение. – Прежде всего, поставь правую ногу на тормоз.
- А которая у меня правая?
- Вот эта, – ответил он и похлопал Ксеньку по горячему бедру. – Правая нога на автомате ведущая.
- А что делать левой?
- левой ничего. Она не участвует в процессе, у стенки есть площадка для удобства, поставь туда и про нее забудь. Поняла?
- Примерно, – ответила девчонка. – Пойму в процессе.
- Арсений крикнул и что-то пробормотал.
- Что дальше? Которая педаль тормоз?
- Левая. Широкая, как... – Ганцев на секунду задумался. – Как айфон, положенный набок. Видишь?
- Вижу.
- Жми до упора.
- Жму.
- Молодец, – сказал он. – Теперь клади руку на селектор.
- Это что?
- Ручка, справа от тебя.
- Взяв девчонку за тонкие пальцы, Ганцев перенес ее ладонь на длинную рукоятку.
- Нифига себе. Как у мясорубки, – прокомментировала Ксенька.
- Примерно так, – согласился он. – А что с них взять? Американцы они и есть американцы.
- Слава, ты идешь против главной истины, – опять вступил Виктор. – Никому не доверяй свою машину и свою жену!
- Слева с торца есть круглая кнопка, – не обращая внимания, продолжил Ганцев. – Это фиксатор. Найди и почувствуй, положи на нее большой палец.
- Нашла и почувствовала, – послушно ответила Ксенька. – И положила.
- Не убираешь ногу с тормоза, нажимаешь кнопку, ручку двигаешь на себя, смотришь на шкалу, до буквы «D», то есть «Драйв». Потом можно ехать.
- Передвинула.
- Железное тело автомобиля напряглось в ожидании.
- Сели в машину сердитые янки, хвост прищемили своей обезьянке! – раздался язвительный голос Эллы.
- Теперь крепко держишь руль, снимаешь ногу с тормоза, переставляешь на газ, и вперед!
- Так просто?! – воскликнула она. – Без всякого сцепления, не как на папкиной телеге?!

– Без, – подтвердил он. – Отпустила тормоз и вперед. Только следи за дорогой. Полноприводная машина юркая.

– Отпускаю!

Тяжелый джип вздохнул и тронулся.

– Поехали!!!

– Этот Гагарин в юбке тебе покажет полет вокруг Луны! – бросила Элла.

– Ты еще об этом пожалеешь, дядя Слава, – ехидно добавил Виктор Войтович.

– А вот дуля тебе, – ответил Ганцев.

Джип вилял по дороге, как трактор, ведомый пьяным механизатором. Скорость нарастала.

– Ксенька, не жми так сильно! – воскликнул он.

– То ли еще будет, – сладким голосом известила Элла.

Левое колесо чиркнуло по обочине, салон по-утиному накренился влево.

– Ксения! – сказал Ганцев. – Притормози!

– Не могу! – жалобно воскликнула она. – Забыла, как!

– Ксения!!!..

Он схватил ее узкое колено и нажал вниз.

Трехсотсильный V-образник взревел зверем, «Хаммер» прыгнул вперед. Бестолковая девчонка не перенесла ногу с педали на педаль, сейчас давила на газ.

В боковом зрении блеснул перстенок на ее пальце,двигающийся вперед.

– Не трогай селектор!!! – закричал Ганцев. – Тормози!!!

Вывернув руль влево, он съехал с обочины по трансверсальной траектории. По дверцам оглушительно хлестали жесткие стебли травы, земная твердь переваливалась из стороны в сторону быстрее, чем воспринимал мозг.

Что-то гремело и трещало, сзади что-то кричали – Ганцев не слышал ничего, только выруливал одной рукой, держа Ксенькину ногу, которая, кажется, все-таки переместилась на тормоз.

Когда «Хаммер» замер, он очнулся.

Селектор стоял в положении «нейтрал». Ксенька остановилась вовремя, ничего неправимого не произошло.

Двигатель рокотал на холостых оборотах, ожидая дальнейших действий.

– Ксения, держи ногу на тормозе, не снимай, – приказал Ганцев.

Девчонка несколько раз кивнула, судорожно слатывая. На нее было больно смотреть.

Неловко взяв с непривычной стороны Г-образную рукоятку, он нажал кнопку, перешелкнул селектор на безопасный «Р» и перевел дух.

Места были заливными, насыпь дороги поднималась до небес. Тяжелый джип стоял, опасно накренившись под углом к горизонту. Было страшно думать о возможных последствиях.

– Ксенька... – выдохнул Ганцев. – Ты больше так не делай!

– Дядя Слава, я... – заговорила девчонка плачущим голосом.

– Мы тебя предупреждали, – сладко проговорила Войтович-старшая.

– Элка, не будь – как говорил один мой друг, мудрый старый еврей – «умной, как моя жена потом», – ответил он. – Твоя дочь ни в чем не виновата.

– Ну конечно, – ответил Виктор. – Ведь твой «Хаммер» не перевернулся!

– Но мог только так, – констатировала Маргарита. – Ганцев, я тебе поражаюсь. Чем дальше живешь, тем больше дуреешь.

– Дядя Слава... – опять заговорила Ксенька.

– А если бы мы перевернулись и грохнулись бошками о крышу?! – неожиданно перебил Аркадий. – Меня и так чуть шезлонгами не задавило.

– Но ведь не задавило же! – возразил Ганцев.
– Дядя Славочка, – дрожащим голосом повторила девчонка. – А что мне теперь делать? Я чуть не разбила вашу новую машину...
– Ничего, Ксения, – ласково ответил он. – Ничего. С кем не бывает? Сейчас выну тебя из кабины и сяду сам. Выедем отсюда и поедem дальше.
Полудочка молчала и всхлипывала.
Ганцев протянул руку, погладил ее по искусственно состаренной голове.
– Мы вам не мешаем? – раздался сзади голос жены.
Не отвечая, он полез наружу.
Когда Ганцев принимал Ксеньку с водительского места, та обняла его за плечи, приникла всем телом.
Это было смешно. И почему-то грустно.

2

В сосняке пахло старой хвоей. Тут могли водиться маслята, не будь эти края чрезмерно посещаемы горожанами, рвущимися на природу.

Правда, мусора, бумажек, бутылок и пивных банок кругом не валялось, отдохавшие прибирались за собой.

Наверху яростно сияло субботнее солнце, внизу было приемлемо, хоть и по-летнему тепло.

Жужжали земляные осы, тихонько скрипели ветки – стучали, задевая друг о друга – но в целом тут стояла тишина.

Время от времени где-то неподалеку постукивал дятел, на душе у Ганцева дрожал тихий уют.

Он сидел в шезлонге между чешуйчатými стволами и наслаждался ощущением одиночества неподалеку от людей.

На краю сосняка зеленели сумрачные папоротники, дальше колыхалось белопенистое море – там цвели зонтичные растения, ветер гнал волны сладкого аромата.

За зонтиками вздымался пригорок, поросший низкой травой и мелкими фиолетовыми цветами.

Это было излюбленным местом их пикников.

На пригорке стояли еще два шезлонга. Маргарита Ганцева и Элла Войтович, намазанные кремом то ли против, то ли для загара, раскинулись под солнцем и о чем-то тихо переговаривались.

Ближе к распадку, по дну которого тек извилистый ручей, росло несколько высоких раскидистых берез. Сосновые стволы заслоняли обзор, но Ганцев знал, что там разложен стол, а у одноразового мангала колдует над шашлыками Виктор.

Жизнь была прекрасной, хотя и слегка удивительной.

Сейчас он уже не понимал, как мог доверить девчонке новенькую машину стоимостью в три миллиона. «Хаммер» оставался «Хаммером», но обочина – обочиной; при быстром спуске по касательной даже культовый джип мог опрокинуться. И, будучи честным перед собой, Ганцев помнил, что после того, как он выбрался обратно на дорогу, под рубашкой между лопаток тех нехороший пот.

Но все обошлось, красный «Титаник» – несокрушимый и без единой царапины – стоял у берез, отдыхая в тени.

Не стоило сожалеть о том, что было – тем более, о том, чего не было. Он никогда не смотрел назад.

Пикник с друзьями обещал радость. Она не омрачалась даже тем, что остальным предстояла выпивка, а Ганцева сковывал руль. Тут тоже все оставалось впереди.

Сам он не имел склонности ни к чему, кроме бизнеса и автомобилей, но Виктор который год перестраивал дачу, доставшуюся от тестя, и божился, что следующим летом она будет готова ко всему. Под «*всем*» подразумевалась возможность приезжать семьями, есть шашлыки, париться в бане, пить водку, а потом ночевать со всеми удобствами.

Маргарита с Эллой были лучшими школьными подругами, Войтовичи и Ганцевы жили в соседних кварталах, на смежных улицах: Академика Королева и Космонавта Юрия Гагарина.

Виктор считался его другом, других близких друзей не имелось.

Элла не очень любила Ганцева, в разговоре подсыпала колкости. Но он терпел ее общество, поскольку был снисходителен ко всему белому свету. Кроме того, ему нравились Эллины колени. Большие, гладкие, полушаровидные – как фары грузовика «*Зил-150*», скопированного с американского «*Студебеккера*». Ганцев не строил планов, но эстетическое удовольствие от женского тела было одной из приятных составляющих жизни.

Сама Маргарита – высокая, прекрасно сложенная – могла дать кому угодно сто очков вперед. Ее большая крепкая грудь была предметом гордости и зависти; Войтович засматривался на нее точно так же, как Ганцев – на колени Эллы.

Вероятно, в том заключалось мировое равновесие.

На природу они выезжали по инициативе Ганцева; Виктор не проявлял активности, только присоединялся. Впрочем, все его машины были одинаково непригодными для вылазок в полудикие места.

Войтович всю жизнь сутился на подхвате, ездил на ржавых колымагах российского производства, которые покупал за полцены подержанными у своих начальников. Он вызывал сочувствие, порою даже жалость.

Брак Ганцевых был вторым у обоих.

Энергичная и открытая на первый взгляд, Маргарита жестко отъединилась от прошлого и не любила рассказывать о себе прежней. Ее родители давно развелись, с новыми семьями разъехались по разным городам – Маргарита не общалась с ними и даже не поздравляла с праздниками. О первом муже своей второй жены Ганцев ничего не знал.

Первый, весьма короткий, его брак вспоминался, как тряска по булыжной мостовой. Нынешний оказался спокойным. Правда, в покое иногда ощущалось равнодушие, но иного не могло быть у людей, которые прожили вместе двадцать лет. Сексом они занимались редко, в последние годы жена стала спать в ночной рубашке. Но это не мешало признавать главное качество Маргариты: с ней было надежно.

Горький опыт молодости не оставил непоправимого в Ганцевской жизни: с первой женой они не успели завести детей. Маргарита имела проблемы по женской части, оба ее брака остались бездетными. Обделенная природой, она была лишена материнского инстинкта, о приемных детях не мечтала, к чужим не тянулась, хоть и работала педиатром в районной поликлинике.

Ганцев время от времени испытывал вспышки отцовских чувств, их удавалось удовлетворять без труда: Ксенька Войтович росла на его руках.

Жена называла младшую Войтович его «*полудочкой*» и была права. Ганцев имел от Ксеньки все радости, но «*полу*» избавляло от ответственности.

Приходя в гости к Войтовичам, он погружался в иллюзорное отцовство. Маргарита с Эллой накрывали стол, Виктор откупоривал бутылку и периодически кричал с кухни, что «*аракА стьнет*», а Ганцев не мог оторваться от девчонки – сидел с ней в комнате, ласкал, целовал, называл нежными словами.

В такие минуты он чувствовал, что сам становится светлее.

Когда Ксенька подросла, Ганцев стал играть с ней в шашки и разговаривать о жизни. Играла полудочка хорошо и почти всегда оставляла его в лузерах.

Маргарита дочку одноклассницы недолюбливала и относилась к ней скептически. С некоторых пор Ганцеву стало казаться, что жена даже ревнует его. Это казалось смешным, поскольку никаких чувств, кроме отцовских, к девчонке он не испытывал.

Впрочем, в последнее время Маргарита стала необоснованно раздражительной, придиралась и вспыхивала по пустякам.

Должно быть, она приблизилась к возрасту глобального недовольства, жизнью. Ганцев прощал жене все и на ее настроения смотрел сквозь пальцы, поскольку сам был успешен, как тысяча чертей.

Издали донесся звонкий Ксенькин голос. Слова оставались неразборчивыми, но она была счастлива со своим Арсением.

Подумав о том, Ганцев решил, что на обратном пути опять даст ей порулить. Упражняться на неровной грунтовке, извинаящейся между обочинами, было неразумно. После выезда из деревни Воздвиженка, за которой они отдыхали на земляничных холмах, до региональной трассы оставалось четыре километра по прямому асфальтированному проселку, пересекающему плоские поля. Те места были идеальными для учебной езды. Там и следовало все повторить.

Полудочке нравилась его новая машина, он был готов на что угодно ради ее радости.

Поблизости раздался шорох.

Ганцев поднял голову.

Среди зеленой хвои мелькнул рыжий хвост, за ним показалась белка. Винтообразно пробежав во стволу, она замерла вниз головой в метре над землей и внимательно посмотрела непроницаемо черным глазом.

Ее мордочка напоминала миниатюрную лошадиную.

– А Кальтенбруннер возьмет и женится на еврейке! – сказал ей Ганцев. – Что бы они там ни... говорили.

Белка не ответила, дятел за спиной постучал в знак согласия.

3

– ...Дядя Слава!..

– А?..

Ганцев вздрогнул, заморгал и понял, что незаметно уснул.

– Дядя Слава, вы меня простите, пожалуйста.

Полудочка стояла перед ним.

На ней было красное стринг-бикини из трех лоскутков минимальной площади, соединенных шнурками.

– За что, Ксения? – спросил он, подавив зевок.

– За то, что я чуть не угробила вашу новую машину.

– Но ведь не угробила. Да если бы и угробила – она под КАСКО, я бы восстановил как новую, твоя мама и тетя Рита зря начали разоряться.

– Значит, вы на меня не сердитесь?

– А когда я на тебя сердился?

– Никогда.

Кивнув, Ксенька помолчала.

– Дядя Слава...

Она заговорила вкрадчиво, присела на корточки рядом с шезлонгом.

В такой позе полудочка выглядела котенком-переростком. Ксенькины ноги были длинными, но неизящными; узким коленям вряд ли предстояло развиваться до студебеккерного совершенства Эллы.

– Что, Ксения? – ласково сказал Ганцев.

– А пойдете с вами на луг за речку сходим!

– За какую речку?

– Ну, не за речку, за ручей, который в ущелье. На луг, который за ним.

– Что ты там потеряла? – поинтересовался он, пытаясь все-таки не зевнуть.

– Ягод хочу набрать.

– Каких?

– Земляники.

– Она давно отошла.

– Ну тогда ежевики. Или малины. Или черники, что там еще есть?

Ганцев не ответил. Ему хотелось лишь сидеть и дремать, ощущая себя наяву.

– Ну пойдете, дядя Слава, ну сходите...

Полудочка прижалась щекой к его колену.

– ... Там хорошо, но я одна боюсь. Всякие сельчане ходят.

– Ксения... – он потянулся, хрустнул суставами. – Сходи со своим Афанасием, какие проблемы?

– Он, вообще-то, Артемий, но это без разницы. С ним не могу, он прислуживает папе на шашлыках.

Слово «прислуживает» погладило душу.

У Арсения-Аркадия-Акакия все было впереди: от познания женщины до поднебесных высей. А у него в жизни не осталось неизведанностей.

Да и сама жизнь сделалась бизнесом ради бизнеса. Бытие скрашивали только автомобили. Однозначно, Ксеньке стоило дать порулить еще раз.

Белка убежала по своим делам; дятел неодобрительно молчал.

– Ксения, я когда-нибудь в чем-нибудь тебе отказывал? – вздохнув, спросил Ганцев.

– Нет, дядя Слава. Ни в чем и никогда. Так сходите со мной?

– Схожу, что с тобой делать. Идем.

Ксенька поднялась, побежала вперед, раздвигая узким телом душистые зонтики.

На пригорке слоился зной.

Жены таяли в шезлонгах.

Ганцев подошел к Маргарите. Он не был ни в чем виноват перед ней, но попросил прощения, поцеловал в лоб.

– А меня? – спросила Элла.

– Тебя, когда вернемся с того берега, – ответил Ганцев.

– Должно быть, в Африке сейчас ужасная жарница! – произнесла она.

– Ты это к чему? Мне кажется, и тут не холодно.

– Ни к чему. Это из Чехова.

– А при чем тут Чехов?

– Куда тебя зовет эта дурочка? – не отвечая, спросила Элла. – Я тебя предупреждаю еще раз, дядя Слава, она еще никого не доводила до добра.

– Мы с дядей Славой идем гулять на луг за ручей, – за Ганцева ответила Ксенька. – Пока вы тут жарите шашлыки-машлыки. Изжарите – позовете.

Дернув за руку, она развернула его за собой.

– Удачи тебе, сыщик, – донесся вслед насмешливый голос Маргариты. – Изображай дальше Джеймса Бонда в роли Шона Коннери.

– И не забудь посадить ее пописинькать под кустик, – добавила Элла.

«Хаммер» стоял, как скала. Над мангалом вился угольный дымок, напоминающий запах железной дороги – путешествий в новую реальность, которая казалась лучше старой.

– Вячеслав Константинович, – вежливо обратился Артемий. – Пока вы отдыхали, Элла Эдуардовна хотела послушать музыку, но Маргарита Анатольевна не знает, как открыть вашу машину!

– Виктор Андреевич! – позвал Ганцев.

– Слушаю! – ответил Войтович.

– Машина открыта, чип-карта в слоте. Надеюсь, твоего инженерного образования хватит, чтобы разобраться в кнопках и включить Элле Эдуардовне ту музыку, какую она хочет?

– Аккумулятор сядет, – нежно возразил друг.

– Мой – не сядет, – отрезал Ганцев. – Только встанет тверже.

– Ну мы идем или не идем, дядя Слава?.. – уточнила Ксенька.

– Идем, конечно, идем, моя сладкая!

Последние эпитеты он почти выкрикнул.

В данный момент ему захотелось досадить женам.

*– Ходил по Уралу Чапаев-герой,
Он соколом рвался с врагами на бой!*

– выразительно пропел Виктор.

Он любил напевать, всегда находил что-то подходящее моменту.

Ганцев отмахнулся, не обращая внимания на подковырки.

Пригорок, стекающий к ручью, был глинистым. Тут росли отдельные кусты полыни, подчеркивающие общую безжизненность почвы.

Ксенька скользила впереди, он шел следом, неожиданно ощущая немолодость.

– Дядя Слава! – крикнула девчонка, достигнув русла. – Блин, тут такие камни. Скользкие, как лягушки, я шандарахнусь в сланцах, не переберусь.

– Может, пойдем назад? – предложил Ганцев, спустившись к ней. – Пес с ними, с этими ягодами, которых нет.

– А вы можете меня туда перенести? Взять на руки и на ту сторону?

– На руки?

– Ну да. Я же ваша полудочка, вы меня всю жизнь носите на руках. Правда, сейчас я стала тяжелая. Но вы ведь сильный, как не знаю кто?

– Сильный, сильный, – подтвердил он.

– Ну так несите меня, дядя Слава!

Сияло равнодушное солнце, в разливе мелководного ручья мельтешили оранжевые бабочки с черными крапинками. Ничтожное русло Ганцев преодолел в три шага.

На противоположном низком берегу росла густая, по-нехорошему зеленая трава. Посвященный в некоторые детали, он знал, что будущей женщине вредно ходить по холодной сырости, и пронес Ксеньку еще метров двадцать до сухого места.

– Ну все, мы тут, – сказал он, опустив ее на дорожку у края луга.

– Вы не устали, дядя Слава, меня тащить? – спросила она.

– Нет, – ответил Ганцев и вдруг обнаружил в себе нечто ненужное.

Всю жизнь он позиционировал Ксению Войтович полудочкой – то есть ребенком.

Но в радикальном купальнике она была практически голой, крепко прижималась и обвивала его шею руками, помогая себя нести...

В итоге выяснилось, что Ганцеву не стоит поворачиваться к ней в профиль.

Вероятно, это было нормальным, ведь в нем еще не умер мужчина.

– Ксенька, ты как-то вдруг выросла, – сказал он. – Тебе сколько лет, я запутался?

– Уже восемнадцать, – ответила она, поправляя на себе веревочки.
– Врешь.
– Не вру. Я в детстве много болела, в школу пошла на год позже, потом еще два года пропустила. А что?
– Да ничего...
Он вздохнул.
– ...В общем, мы на месте. Ищи свои ягоды, а я пойду посмотрю грибы вон в том березняке. Мы в пределах звуковой видимости – зови, если что.
– Хорошо, дядя Слава, – мелодично сказала Ксенька. – Если что, позову.
Отсюда был виден пригорок, оставшийся за ручьем.
«Хаммер» краснел, дымок завивался высоко.
Вероятно, Виктор уже принял водки и сейчас хозяйничал, понукая Арсения, который был Артемием.

4

Летний день катился дальше и продолжал казаться прекрасным.
Еле слышно шуршали березы, которые росли между ручьем и сенокосным лугом.
Среди бело сияющих стволов торчали кочки с тонкой длинной травой.
Оглушительно пахло грибами; казалось, их тут целое море.
Но Ганцев знал, что это лишь дух лесного гнилья: весенние грибы отошли, для осенних не настало время.
Он шагал по краю березняка и вдыхал ароматы, забытые при нынешнем образе жизни.
Вспомнилось другое лето и сокурница-москвичка, будущая бывшая жены.
Они гуляли по подмосковным перелескам, избранница всегда шагала впереди. Она дразнила телом, одетым в сарафан на ляпочках, и читала наизусть Пастернака, даром, что была не лириком, а таким же физиком, как и Ганцев.
Но все-таки в перерыв между стихотворениями ему удавалось коснуться то голого плеча, то талии под шуршащим поплином, то чего-то более существенного.
Эти прикосновения – как показала жизнь – не значили ничего, но стоили всё.
Юность давно ушла в канализацию и бесследно растворилась в Каспийском море, жизнь не оставила сантиментов.
Но бродить по лесу в одиночестве оказалось неожиданно хорошо.
Среди травянистых кочек нашелся-таки один гриб – упорно выросший подберезовик.
Небольшой и идеально круглый, он просился на сковородку, чтобы через пятнадцать минут стать закуской. Но один гриб ничего не решал, Ганцев не стал его трогать.
Он остановился, бездумно глядя на огромный – высотой в колесо «Хаммера» – муравейник и подумал о полуголой девчонке, которая бродила сейчас черт знает где.
Словно включившись от мысли, откуда-то прозвучало:
– Дядя Слава-ааа!..
– Я тут! – крикнул он. – А ты где?
– Я тоже тут! Идите сюда!
– Где «тут»? – Ганцев перевел дыхание. – Точнее?
– Тут – это тут!
Ксенькин недалекий голос родил эхо, хотя по всем законам физики в лесу, среди зелени и травы, его быть не могло.
– Тут я, недалеко, на сене!
Ганцев пошел назад.

Березы шуршали над головой, о чем-то предупреждая, несколько раз вскрикнула незнакомая лесная птица.

Черноземная дорожка, обегающая луг, была утоптана до угольного блеска. Вдоль нее на границе смешанного перелеска желтело несколько разваленных копенек.

На самой большой раскинулась Ксенька. По ее телу, покрытому россыпью мелких родинок, перебежали тени листьев.

Фигурой, лишенной выпуклостей, изгибов, уширений и утоньшений, она напоминала длинноволосого мальчишку в купальнике.

– Садитесь, дядя Слава, тут хорошо! – позвала она.

– Сесть я всегда успею, – усмехнулся Ганцев. – А вот присяду с удовольствием.

– Извините, не так выразилась, тьфу-тьфу-тьфу.

– Чем ты тут занимаешься? – поинтересовался он.

– Принимаю воздушную ванну, – беззаботно ответила девчонка.

– Ты нашла ягоды?

– Не-а. Нет ягод нифига. А вы грибы нашли?

– Тоже нет.

Молчание упало с деревьев, воцарилась громкая тишина, только где-то в траве на опушке остервенело строчил кузнечик.

– Я типа расслабляюсь, дядя Слава, – добавила она.

– Я это понял, – подтвердил Ганцев.

– На самом деле я так перессалась там, когда чуть не угробила вашу машину...

– Успокойся, Ксения, – сказал он. – Все прошло, забудь и не вспоминай. Лежи на сене и релаксируй. Скоро пойдем есть шашлыки.

Здесь было лучше, чем когда-то в Подмоскowie.

Тогда он трепетал рядом невестой, чего-то ждал и на что-то надеялся, а сейчас просто отдыхал от сует.

Умиротворенно вздохнув, Ганцев опустился рядом с Ксенькой.

Сено сладко хрустело и пахло покоем.

Из-за верхушек леса выплыла огромная хищная птица. С размахом крыльев в Ксенькину ногу она не парила, а стояла в воздухе над лугом.

В этих краях все поля были изрыты сусликами, везде мельтешили желтые тени, слышались шуршание и попискивания.

– Дядя Слава!

– Да, слушаю, – ответил он.

Когда-то давно Ганцев видел по телевизору передачу про крылатых хищников. Там объяснялось, как летает коршун, как ястреб, а как сокол, у какого какой хвост: вырезанный вилкой или полукруглый. Ганцев ничего не запомнил, сейчас бы те знания пригодились.

– Как вы думаете, у меня когда-нибудь титьки вырастут, или останутся такими же, как у мамы?

– Вырастут, Ксения, вырастут, – рассеянно ответил он, наблюдая за эволюциями птицы. – Будут большими. Как у мамы. То есть нет, как у тети Риты. Ну, то есть...

Запутавшись в словах, Ганцев замолчал.

– А мне кажется, не вырастут, останутся прыщиками. Не быть мне королевой бала.

– Не в титьках смысл жизни, – возразил он. – А королев бала выдумали американцы, у которых в голове только жвачка и бейсбол. В Америке нет ничего хорошего, кроме машин.

– Ну ладно, успокоили, – легко вздохнула девчонка. – Большие титьки тоже не фонтан, я слышала, тетя Рита жаловалась маме, как ей бывает тяжело, особенно в жару.

Кого-то высмотрев, коршун резко пошел вниз. С луга донесся пронзительный свист, хищник выровнялся у земли и снова набрал высоту.

Суслики бдили, сторожевой подал сигнал и все попрятались по норам. Сено зашуршало, Ганцев почувствовал прикосновение в своем боку.

– Ты что, Ксения? – спросил он.

– Тут мыши, я боюсь.

– Нет тут никаких мышей, – возразил Ганцев, не выпуская птицу из глаз.

– Есть. И полно. Пока вы искали грибы, они тут шастали.

– Ну и что? Чего их бояться? Они маленькие, ты большая.

– Все равно с вами лучше. Это ничего, что я к вам прилезла?

– Ничего, Ксения, ничего, – ответил он и протянул руку, давая ей устроиться поближе. – Прилезай, если тебе так спокойнее. А я защи... тью тебя от всего на свете, ты же знаешь.

От разогретого солнцем Ксенькиного тела шел жар. Она пахла кремом – вероятно, таким же, как у матери и у Маргариты.

И еще – молодостью, которая у Ганцева прошла. Точнее, юностью, еще точнее – отрочеством, которого он уже не помнил.

Ему подумалось, что он совершил ошибку.

Им с Маргаритой давным-давно стоило взять бесприютного ребенка, усыновить и растить как своего.

Поступиться какими-то благами и покоем, но теперь иметь рядом существо, которое любит не за блага и покой, а просто так.

Но было поздно рассуждать о несовершенном.

Стоило радоваться тому, что у него есть полудочка.

Ганцев обнял Ксенькино плечо.

Она положила тонкую руку поперек его груди.

Коршун, высматривающий сусликов, видел их двоих и не сомневался, что на душистом сене лежат настоящие отец с дочерью.

Узким сложением Ксенька больше походила на «дядю *Славу*», чем на своего отца. Среднего роста и крепкий, Виктор уже обзавелся солидным брюшком, а высокий Ганцев оставался тощим, как в студенческие времена, поскольку все ресурсы организма пожирал бизнес.

– Как я тебя люблю, Ксения, знала бы ты! – проговорил он, притянув ее к себе, поцеловав в лоб, в глаза, в нос. – Знала бы ты, как я тебя люблю...

Погладив девчонку по волосам, Ганцев поднял ее ладонь со своей груди и по очереди поцеловал тонкие пальцы, наманикюренные зеленым.

Ощущение отцовства лилось лавиной и было сильнее, чем во времена Ксенькиного детства. Тогда Ганцев с ней просто возился, сейчас мог что-то дать.

– Как я тебя люблю, Ксения! – повторил он. – Как я люблю тебя, моя хорошая!

– Я тоже люблю вас, дядя Слава, – ответила девчонка, приподнялась и поцеловала его в щеку.

– Когда ты выйдешь замуж...

– А когда я выйду замуж? – перебила она, потершись носом о его плечо.

– Ну, не знаю, об этом еще рано думать. Но, должно быть, лет через десять, когда закончишь институт и станешь самостоятельной.

– И что будет, когда я выйду замуж?

– Я подарю тебе «*Кадиллак Эльдorado*». Красный, как твои бикини.

– У меня есть еще голубое бикини и черное. И даже белое – оно самое прикольное, через него все-все видно. Надела сегодня красное под цвет вашего «*Хаммера*».

– Надо же... Красный цвет тебе идет, а такая машина и подавно.

Глядя в небо, он пожелал коршуну успеха.

– Их уже сняли с производства, но в Америке полно подержанных, стоят в гаражах с минимальным пробегом. При их сухом климате это практически новые машины. Найду, закажу, подарю тебе прямо перед ЗАГСом.

– А за что мне такой подарок?

– Ни за что. За то, что ты есть на свете и я тебя люблю как дочь, какой у меня никогда не было и не будет.

В сене прошуршала невидимая мышь. Ксенька не врала.

– Дядя Слава, а можно, спрошу у вас одну вещь?

– Спрашивай.

– У вас с мамой что-нибудь было?

– С чьей?

– С моей, ясное дело, других тут нет.

– В каком смысле «было»? – переспросил Ганцев.

– В том самом, – спокойно пояснила полудочка.

– А с чего ты взяла, что у меня с твоей мамой что-то было?

– Вы так пялитесь на ее коленки...

– Ксения, я мужчина, а твоя мама – женщина, – помолчав, ответил он. – А ее коленки – самые красивые из мною виденных. А видел я немало, уж поверь.

– И не только видели, – предположила она.

– И не только, – подтвердил Ганцев.

– Значит, у вас с мамой ничего не было?

– Не было, не было, успокойся.

– Значит, я не ваша дочь?

– Не моя, не моя. К сожалению.

Мышь появилась откуда-то снизу, пробежала через дорожку и исчезла в стерне. Природа жила по своим правилам, не обращая внимания на людей.

– Ты моя полудочка. «По-лу», прекрасно знаешь. Ты появилась на свет при мне. Я даже забирал тебя из роддома, потому что у твоего папы не было машины. Ты выросла у меня на руках, я люблю тебя больше всех на свете...

– Я это давно поняла, – перебила Ксенька.

– ...Я отношусь к тебе как к родной, но ты не моя дочь. К твоей маме я не прикасался. Даже за коленку ни разу не потрогал.

– А хотелось?

– А ты как думаешь?

Она не ответила,

Разговор смешил, хотя цель расспросов оставалась непонятной.

– Это хорошо, что я не ваша дочь.

– Почему? – спросил Ганцев.

– Потому, – лаконично ответила девчонка.

Из-за ручья раздался зычный крик Виктора:

– Ребята-ааа! Ксения, Слава!.. Идите к нам, шашлыки горят и арака стынет!..

– Идем, идем, уже идем, – в ответ прокричал он.

Коршуну – или кем он был – осталось ловить сусликов в одиночестве.

Не без труда поднявшись, он протянув Ксеньке руку.

Та вскочила легко, обтряхнула с себя сено.

И вдруг одним молниеносным движением освободилась от трусиков-лоскутка.

– Ты что делаешь? – воскликнул Ганцев. – Хочешь в туалет?

Мгновенно отвернувшись, он успел заметить, что причинное место у Ксеньки выбрито до блеска.

– Дядя Слава, пожалуйста, снимите рубашку, – не отвечая, попросила она. – Надо под нас подстелить, а то мне набьется полная писька трухи.

5

«Хаммер» ехал спокойно, ему было некуда спешить.

Доселе непьющий Артемий, в которого Виктор насильно влил стакан водки, переваливался в багажном отсеке под грудой кое-как сложенных шезлонгов и сдавленно стонал во сне. Взрослые блаженствовали на заднем диване.

Виктор обнимал пьяноватую Маргариту, приложив голову к ее обильной груди, Элла сияла своими фарами и даже не бросала замечаний.

Ксенька сидела на пассажирском месте, раскидав ноги, и дух ее жарких подмышек перекрывал запах нового кожаного салона.

Она не спрашивала разрешения сюда сесть, пользуясь новым статусом – просто залезла в машину первой и расположилась с комфортом.

Ганцев молча правил, глядел вперед и уже не мог понять, как все получилось.

Отпусти он бороду, та оказалась бы черной, на коротко стриженной голове еще не имелось седины и все ребра оставались целыми.

Но бес ударил так, как не бывало никогда.

Под березами их встретили привычными усмешками, ни о чем не спросили, посадили за еду. Ни Элла, ни Маргарита, ни Виктор с Артемием ничего не заметили, ни о чем не догадались. Вероятно, происшедшее настолько выходило за рамки допустимого, что нормальному человеку сама возможность такого не пришла бы в голову.

Ганцева томили мысли.

Маргарита съязвила насчет голливудского кастинга. Он пропустил слова мимо ушей, слушать такое было смешно.

Сейчас смешно уже не было.

Держа руль и глядя на виляющий проселок, Ганцев ощущал себя Гумбертом, везущим Лолиту. Хотя Ксенька ни при каких обстоятельствах не могла считаться Лолитой; их роли были диаметрально противоположны выведенным в романе.

Девчонка оказалась недевственной, это было в порядке вещей: девственница не устроила бы подобного кунштюка. Но Ганцева удивило, что как женщина младшая Войтович оказалась более опытной, чем холодновато-сдержанная Маргарита и более нежной, чем страстная Наташа, его первая неудачная жена.

И, кажется, она получила больше удовольствия, чем он.

Однако эти детали ничего не значили. Поступать так, как поступил, уступив ее домогательствам, Ганцев не имел права. И, вероятно, завтра утром предстояло стыдиться себя самого в зеркале при бритье.

Косясь на полудочку, сделавшуюся неизвестно кем, он пытался увидеть синеву под ее глазами, мучительный излом бровей, усталость губ, изможденность тонких ног.

Ничего подобного он не увидел. Поколение «next» жило по своим правилам. Ганцев переживал и грыз себя, а Ксенька сидела с гордым видом той самой королевы бала, о которой глупо тархтела за несколько минут до случившегося.

Деревня осталась позади, он вывернул на асфальтовую дорогу, прижался к краю, остановился и включил трансмиссионный тормоз.

Ксенькины глаза были зелеными, но она смотрела непроницаемо – как та белка, которой он сулил недозволенную женитьбу шефа Главного Управления Имперской Безопасности.

Превозмогая что-то в себе, Ганцев выдержал несколько секунд, упираясь взглядом в ее черные зрачки, потом спросил:

– Рулить будешь?

– Спасибо, нарулилась так, что все поджилки трясутся, – она встряхнула осветленными волосами. – Больше не хочу, дядя Слава.

– А я хочу, – заявил Виктор.

– И я, – поддакнула Элла.

Маргарита насмешливо промолчала.

– Вам только рулить, – ответил Ганцев. – Пьяные, как извозчики. Сидите тихо и радуйтесь, что вас куда-то везут. И не ты ли, Витюша, еще недавно предупреждал про свою машину и свою жену?

– Так я и не предлагаю тебе свою жену, – Войтович усмехнулся. – Я всего лишь прошу твою машину.

Ганцев промолчал; шуточки друга начинали утомлять.

Положив правую руку на селектор, он невольно взглянул на Ксенькины ноги.

Они остались теми же, что были на пути сюда: тонкими и неизящными. Но казались другими.

Прежде, чем тронуться, Ганцев подумал, успеет ли девчонка незаметно выстирать свои красные треугольники прежде, чем Элла учует запах мужчины.

– Дядя Слава! – услышал он, поехав дальше.

– Что, Ксения?

– Да так, ничего, – ответила та и зажала ладони между коленок.

Сейчас она выглядела как девчонка, девчонкой она и была.

У выезда на трассу пришлось долго стоять: мимо одна за другой тащились фуры, Ганцев не хотел рисковать, встраиваясь в промежуток.

Вывернув и быстро набрав скорость, он неожиданно для себя сказал:

– Ксения, какие характеристики у твоего компьютера?

– Ты бы еще спросил у нее, какое расстояние по суше от Москвы до Вальпараисо! – с привычной едкостью ответила за дочь Элла. – Думаешь, она хоть что-то знает? Ничего не знает и не умеет работать, только сутками порется в мессенджере с такими же безмозглыми подростками!

Войтович пьяненько захохотал.

Ганцев вдруг ощутил тоску.

По всему получалось, что он возил друзей на пикник, тратил бензин и ресурс «Хаммера». Сейчас, пьяные и сытые, они покачивались в уютном кондиционированном салоне и знали, что он, стеклянно трезвый, доставит всех обратно: завезет куда-то Артемия, спящего, как мешок с навозом, потом высадит Войтовичей у подъезда и примет прощальный поцелуй Виктора.

А сам окажется дома в таком усталом состоянии, что не расхочется даже выпивать.

От таких мыслей стало грустно.

Похоже, он вошел в пору мужского климакса, еще более деструктивного, чем женский.

– Дядя Слава, а причем мой компьютер? – вырывая из невеселого оцепенения, спросила Ксенька. – Вам он не по барабану, как папе?

– Не по барабану. В твоём возрасте надо иметь хороший комп. Завтра, ну то есть, в понедельник, подберу конфигурацию и тебе подарю.

– С какого перепуга ты будешь дарить этой звезде новый компьютер? – возмущенно спросила Элла.

– Вместо «Эльдорадо»? – уточнила Ксенька.

– Нет, – ответил Ганцев. – «Эльдорадо» – через десять лет. Компьютер – сейчас.

– Типа в честь моей конфирмации?

Оторвавшись от дороги, Ганцев быстро взглянул на полудочку.

– Типа того, – он кивнул и снова уставился вперед.

Они перебрасывались фразами, понятными только двоим, да еще коршуну, который видел все происшедшее.

Но пассажиры были слишком пьяны и довольны жизнью, чтобы вникать в чужие загадки.

– Нет, «*Эльдорадо*» не пойдет, – сказал Ганцев через километр, обогнав на кик-дауне пылевое облако, внутри которого ехал автопоезд. – Кабриолет – машина для цивилизованной страны, а в России можно ездить, только задраив все люки.

«*Хаммер*» ревел уверенно, он был полностью доволен и хозяином и жизнью.

– На самом деле я тебя вижу в вишневой «*Шевроле Импала*» шестьдесят второго, года моего рождения. Твои пропорции, вообще ты, только на колесах. Но, увы, на такой старой машине ездить нельзя, только любоваться. Я подарю тебе трехсотый «*Крайслер*», тоже красный.

Ксенька не ответила, она думала о чем-то своем.

Воровато оглянувшись и убедившись, что сзади все заняты собой, Ганцев протянул правую руку, положил ее на широчайшую консоль за селектором.

Почти сразу ладонь ощутила прикосновение тонких пальцев. Они уже понимали друг друга без слов.

6

– Рит, ты прости меня, пожалуйста, – сказал Ганцев, прижавшись щекой к Маргаритиной груди, спрятанной вязкой рубашкой.

– За что? – спросила она, не реагируя на прикосновение.

– За все, – ответил он, не вдаваясь в подробности.

В памяти промелькнул плотный солнечный свет, вкрадчивый запах сена и миг высшего блаженства, достигнутый одновременно – чего с другими женщинами не случалось.

Обо всем том никто не мог узнать.

Но Ганцев знал и вина – перед самой Ксенькой, перед Виктором и Эллой, даже перед услужливым Артемием, а прежде всего перед женой – жгла до такой степени, что ее следовало выжечь дотла неясными признаниями.

– За то, что устроил это шоу Нарциссо на дороге, – пояснил он, переводя стрелки на известное. – Глупо, трижды глупо. Но...

Жена молчала.

– ...Захотелось доставить девчонке удовольствие. Возвысить ее над этим Артемием. Витька, лишенец, не думает о том, что дочери нужен не только быт, но имидж. Прости меня, Рита.

– Ты помнишь, что сказал Иоанн Предтеча, когда Христос подошел к Иордану? – спросила жена.

– Не помню. То есть не знаю. Библию не читал, не было времени.

– Я тоже не читала, но это знаю.

Маргарита повернулась на бок, грудь ускользнула.

– «*Не тебе креститься от меня, а мне креститься от тебя.*»

– Ты это к чему? – уточнил он.

– К тому, что у нас то же самое. Не тебе виниться передо мной, а совсем наоборот.

– Почему?

– Потому, что я спокойно сижу в белом халате у себя в поликлинике, принимаю даунов и энцефалопатов, говорю глубокомысленно и назначаю перинки Фрейка, которые ничему не помогают. Отрабатываю зарплату и больше ничего. А ты работаешь, как волк...

– Работает вол, тупая парнокопытная скотина, – поправил Ганцев. – А волк бегаёт, высунув язык. Я ни тот, ни другой. Я медведь, который ломится вперед, невзирая ни на что.

– Ну ладно, – согласилась она. – Ты медведь с турбиной в попе, крутишься круглыми сутками, рискуешь, как не знаю кто. А я – растение, ничего не могу.

– Зато я могу все, – возразил он. – И скоро куплю тебе «Ягуар».

– Зачем мне зверь? Я его не прокормлю, еще одна гирия на твою шею.

– Не зверь. Культовый аппарат, серии «ХЛ», черного цвета, с двумя парами фар и серебряным хищником на капоте. Подъедешь к своей утлой ДП – и все парни будут твои.

Решение подарить жене машину пришло внезапно и виделось единственно верным.

Им он мог расплатиться за измену с Ксенькой, которая случилась практически без его воли.

– Слава, мне не нужна машина. Давай лучше купим квартиру побольше.

Жена повернулась к нему.

– Я так устала, Слава... Я так устала от жизни и ничего не могу с собой поделывать.

– Понимаю тебя.

– Мне хорошо с тобой, Слава, и очень надежно. Но...

Помолчав, Маргарита продолжила:

– Мне тесно в этой двухкомнатной квартире. У меня тут нет личного пространства. Мне хочется иметь свою отдельную спальню, как это заведено в нормальных странах, где супруги могут уединиться.

– Рита, у нас будет все. И твоя машина и наша новая квартира, – искренне заверил Ганцев. – У нас с тобой все будет. Все-все-все и даже больше. Ты знаешь, на той неделе я выиграл тендер областного отдела образования.

– Какой?

– Компьютеризация школ, по городам и деревням области. Все поставки железа теперь мои.

– Я рада.

– У нас все будет, и квартира и машина и дача в Испании, – повторил он. – Только...

– Что «только»? – уточнила она, не дождавшись продолжения.

Не отвечая, он проник под подол рубашки, попытался раздвинуть ладонью ее сомкнутые сухие бедра.

– Нет, Слава, нет, не сегодня, – мягко ответила жена. – Я устала. В другой раз.

– Хорошо, Риточка, – покорно сказал Ганцев. – Я тебя люблю.

– Я тоже люблю тебя, Слава, – сказала она, отворачиваясь. – Спокойной ночи.

– И тебе спокойной ночи.

– А твоя полудочка – просто... не буду говорить кто. Ты зря тратишь на нее свои силы и средства.

– Сил я не трачу, – невольно возразил он. – А средств тем более. При моих накрутках каждый третий компьютер оказывается бесплатным. И подарок Ксеньке мне ничего не будет стоить.

Жена глубоко вздохнула, потом продолжила:

– Своих слов назад не заберу. Ксению я никогда не любила, потому что... Потому что не любила, и все. Но тем не менее твоё желание красит тебя как мужчину. Подарить девчонке компьютер – это достойно, кем бы она ни была. У Эллы нет своих денег, а Виктор такой жопень, что никогда ей ничего не купит. Только принесет с работы какой-нибудь списанный металлолом.

Ганцев не ответил.

Он ощущал желанное тело жены, повернувшейся к нему спиной.

И с этим ничего нельзя было поделывать.

Глава вторая

1

Принтер отжужжал свое и выбросил горячий листок.

Ганцев поднес его к глазам и тут же отодвинул. Кажется, начала проявляться дальновзоркость, которой прежде не было. Возраст брал свое и это не подлежало коррекции.

Нажав кнопку на селекторе, он вызвал Газинура, технического директора.

– Когда передавать на сборку? – поинтересовался тот, внимательно прочитав спецификацию. – После оплаты или сразу начинать?

– Насчет оплаты я с Фридрихом разберусь сам, – ответил Ганцев. – Собирать прямо сейчас, по готовности отправить.

– Курьером?

– Самим. Поручи кому-нибудь из сборщиков, у кого есть машина. Пусть доставит, установит, включит, проверит на месте. Я заплачу наличными.

– Эта Ксения Викторовна Войтова...

– Войтович.

– Эта Ксения Викторовна Войтович – наша новая ВИП-клиентка?

– Типа того, – он кивнул, не вдаваясь в подробности. – В общем, так, Газинур. Собрать по высшему разряду и доставить.

– Доставить, доставить... – пробормотал подчиненный. – Адрес есть, я вижу... Домашний или офис в квартире?

– Домашний.

– А телефон у Ксении Викторовны есть? А то вдруг приедут, а она на работе.

– Телефон есть, – ответил Ганцев и тут же сообразил, что на самом деле его нет.

С Ксенькой они никогда не перезванивались; им было не о чем говорить.

Узнать ее номер не представляло проблем. Нужно было позвонить Виктору или Элле.

В просьбе не нашлось бы ничего двусмысленного. В субботу они обо всем договорились, с Войтовичами расстались тепло, как всегда. У подъезда Ганцев крепко обнял полупьяного Виктора и поцеловал в губы Элли, которая обняла его в ответ и не отпускала чуть дольше, чем следовало жене друга. С Ксенькой они обменялись рукопожатиями, глядя глаза в глаза. Но лишних жестов не было, для окружающих отношения не вышли из привычного формата.

Однако звонить сейчас Войтовичам и просить Ксенькин номер вдруг стало невозможным.

Ганцеву казалось, что он скатится в какую-то ненужную колею, начнет юлить и оправдываться там, где без происшедшего на куче сена не требовалось оправданий.

Случившееся было необратимым; этот крест совести предстояло тащить всю оставшуюся жизнь.

– Телефон есть, Газинур, – повторил он. – Но в ежедневнике, а ежедневник я забыл в машине. Сейчас спущусь и принесу. А ты начинай собирать.

– Окей, Вячеслав Константинович.

– Это ведь займет немало времени, я полагаю?

– Думаю, как минимум до вечера, доставим завтра. Допустимо?

– Допустимо, – ответил Ганцев. – И вот еще, Газинур.

– Слушаю, Вячеслав Константинович.

– Подбери из того, что у нас в наличии, монитор – побольше и получше. И лазерный принтер. «Эйч-Пи», если нет – передай Георгию от моего имени, пусть закажет. Это фактически для меня.

– Хотел бы я быть на месте нашего нового VIP-клиента, – усмехнулся технический директор.

– Как говорилось в «Бриллиантовой руке» – «Напьешься – будешь!» – ответил Ганцев и пошел из кабинета.

2

Сняв джип с сигнализации, он распахнул водительскую дверь, но тут же захлопнул и перешел на другую сторону.

Вдруг подумалось, что на пассажирском кресле, где сидела оплодотворенная им Ксенька, могло остаться пятно, позавчера незамеченное.

Ганцев просунулся в салон.

Там пахло дорогой кожей оригинального американского производства и больше ничем. Черная подушка сиденья была девственно чистой, опасался он зря.

Начавшееся после возвращения с того берега прошло в тумане.

Елись какие-то шашлыки... впрочем, не «какие-то», а великолепные, поскольку он сам выбирал мясо в кэш-энд-кэрри «Метро», куда допускали лишь избранных. Сладенько подъелдыкивал Виктор, напролом дерзила Элла, насмешливо щурилась жена, что-то булькал насильно поимый Артемий.

Что делала все это время Ксенька, шло мимо сознания.

Ганцев был кристально трезв, но в лоскуты пьян от воспоминаний о том, что произошло под шорох мышей. Его мотало из стороны в сторону, колотило затылком об невидимую стену. Он был здесь и не здесь, изо всех сил старался не замечать Ксеньку, с которой свел бог Приап... Но сейчас вспомнил, что полудочка куда-то отлучалась, зажав в кулаке салфетки.

В отличие от «дяди Славы», она знала, что делает и умела ликвидировать следы.

Ганцев забрался на пассажирское сиденье.

Ксенька сидела и слева, за рулем. Но там она была невинной девчонкой, к которой он не испытывал никаких чувств, кроме отеческих.

А на этом ее тонкие ноги стали ногами любовницы – не любовницы, совратительницы – не совратительницы, кого-то непонятного, но тревожащего душу.

– Черт бы тебя побрал, Лолита недоделанная! – вслух произнес он.

Машина молчала, только на панели управления гаджетами помигивали какие-то лампочки, в назначении которых он еще не до конца разобрался.

Ганцев глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Потом вытащил телефон, открыл список контактов, нашел Войтовичей и задумался, кому из них звонить.

Не дав подумать, телефон ожил – завибрировал, потом зазвонил.

Цифры номера не вызывали ассоциаций.

– Компания «Комплайн», – ответил он, приняв вызов. – Ганцев слушает.

– Дядя Слава, это я... – виновато пропищал наушник Ксенькиным голосом.

– Ксения, ты молодец, – искренне сказал Ганцев. – Я как раз думал о тебе, и...

Взять Ксенькин мобильный номер из памяти входящих было в тысячу раз проще, чем звонить ее родителям, изворачиваться ужом на сковородке своих знаний и опасаться, что те догадаются о лишнем.

– Я и говорю, дядя Слава, – подтвердила девчонка. – Мы с вами одной крови и на той же самой волне. Я дома одна, предки на работе до вечера... Приезжайте наконец.

– Ксенька...

Он замолчал.

Девчонка, которую он аттестовал «*полудочкой*», сверлила глубины подсознания.

– Все, что случилось вчера...

– Позавчера, если точно, – мелодичным голоском поправила Ксенька.

– Все, что было позавчера, было не с нами. Нас попутали черти. О том надо забыть. Забыть навсегда. И жить дальше.

Ганцев рубил фразами в духе коротко обритого Маяковского, который сожительствовал с чужой женой в ее же семье.

– Забудь все это. И дай бог, чтобы обошлось без последствий.

– Так и я о том, дядя Слава! – ласково ответила она. – Сегодня у меня последний безопасный день. Можно без презера. Завтра уже нельзя. Кайф не тот.

– Ксенька! – сказал он. – Я звоню тебе...

– Не вы, это я вам звоню, дядя Слава.

Проклятая девчонка одурманила так, что он перестал адекватно воспринимать реальность.

– Неважно! – выкрикнул Ганцев. – Хочу сказать, что твой компьютер собирается и завтра тебе его привезут. Всё. О прочем забудь навсегда.

Не дожидаясь Ксенькиного ответа, он дал отбой.

Жизнь возвращалась в нормальное русло, «*Хаммер*» не пах ничем лишним.

Не давая успокоиться до конца, телефон опять ожил. Звонила не Ксенька, а Георгий, коммерческий директор.

– Вячеслав Константинович, – вкрадчиво заговорил тот. – Не нашел вас на месте, хочу напомнить, через пятнадцать минут у нас скайп-конференция с узкоглазыми. Вы появитесь, или мне вести самому?

Ганцев вздохнул свободно. Вопросы бизнеса отрезвили.

Решение вопроса следовало держать своей рукой, не передоверяя никому.

– Появлюсь, Георгий, сейчас приду, – сказал Ганцев. – Я тут, во дворе, спускался в машину, уже поднимаюсь. Ты пока готовь все.

Не успев затихнуть, телефон заверещал вновь. Теперь звонила жена.

Слегка успокоившись, он ответил без дрожи в голосе.

– Слава, ты можешь подъехать и свозить меня в Жиглино? – без предисловий спросила Маргарита. – Там девочка с дисплазией тазобедренного сустава, родители вздумали, что я врач-гуру, просят посмотреть.

– Рита, я не могу, – ответил Ганцев. – Хотел бы, но не могу, поверь. У меня через полчаса беседа с китайцами, ее нельзя перенести.

Жена молчала; в наушнике плавали гулкие звуки детской поликлиники, где-то близко плакал ребенок.

– Риточка, ты меня пойми. Ты помнишь, две недели назад я выиграл тендер по информационному обеспечению сельских школ. Через несколько дней буду подписывать контракт.

– Да, ты говорил.

– Ты знаешь, как проходят эти тендеры?

– Нет, откуда. Ты же раньше в них не участвовал.

– Я выиграл лишь потому, что пообещал самый высокий процент отката чиновникам из областного управления образования, которые все решают. По итогам я заработаю примерно столько же, как если бы просто торговал компьютерами. Конечно, быстрее из-за объема, но и мороки на порядок больше. И потому я должен переиграть все в свою пользу. Немедленно, пока не подписан договор.

– Как?

– Найти самых дешевых поставщиков и поставить товар не той спецификации, какая оговорена. Тот хлам, которое я буду слать фурами в школы Хуюргазинского, Дрочетлинского, Захерактамакского и прочих районов, на входе должен стоить столько, чтобы на выходе давать четыреста процентов прибыли. И тогда у нас с тобой будет куча денег.

– То есть ты поставишь технику более низкого качества?

– А ты как думаешь. По своим туфлям знаешь, что цена и качество находятся во взаимно обратном соответствии.

– А это законно, Слава?

– Рита, не будь ребенком, – он вздохнул. – Бизнес и обман суть синонимы. «Честных успешных бизнесменов» не существует в природе вещей – это химера, раздутая депутатами Госдумы, которые наворовали столько, что мне не приснится даже спяну. Законно живет учитель пения из деревни Верхние Елдыши. Но и тот по воскресеньям приторговывает на автостанции кроликами, которых кормит обедками из школьной столовой. Бог не выдаст, свинья не съест. Кто не рискует...

– Но эти школы, Слава...

– Понял, что ты хочешь сказать. Но кто будет учиться на этих компьютерах?

Он помолчал, Маргарита слушала.

Ребенок продолжал плакать; видимо, у него что-то болело всерьез.

– Ты представляешь контингент деревенских школ? Им все равно, что поставлять: системники «Делл» или колоды для колки дров. На моих компьютерах учителя будут лупиться в пасьянс, а ученики – серфить по порносайтам, больше ни для чего они использоваться не будут.

– Я понимаю тебя, Слава, – наконец ответила жена.

– А мы с тобой заработаем и черный «Ягуар» и квартиру с отдельной спальней для тебя. Каждому – свое, это тысячу раз верно, понимаешь?

Ганцев перевел дыхание и продолжил, не дожидаясь ответа:

– И потому я не могу перенести конференцию с желторожими! На данный момент от них зависит наша дальнейшая жизнь.

– Понимаю, Слава, – повторила Маргарита.

– К своим ТБСникам поезжай на такси. У тебя есть наличные? Если нет, заедь по дороге в банкомат.

– Хорошо, заеду.

– Подожди, а у тебя есть на карте деньги? – спохватился он. – Ведь прошла, кажется, целая неделя с тех пор, как я перевел тебе последние пятьдесят тысяч! Сейчас кину еще, прямо тут, с телефона...

– Слава, успокойся, – перебила жена. – Я не успеваю тратить десятую часть того, что ты мне переводишь. Наличные у меня есть, больше, чем достаточно. Все нормально, извини, что побеспокоила.

– Я тебя люблю, – привычно сказал Ганцев.

Не ответив, жена дала отбой.

Он сидел с утомившимся телефоном в руке и смотрел вперед.

Наружная парковка бизнес-центра, где «Комплайн» арендовал целый этаж, смотрела на оживленную улицу.

Там сновали прохожие, сверкали голыми ногами девушки в шортах, там кто-то кого-то любил и на что-то надеялся – или хотя бы возжелал на остаток дня, который мог оказаться последним.

У каждого текла жизнь.

Ганцеву подумалось, что его собственная жизнь – единственная и неповторимая – идет как-то не так.

3

«Хаммер» не сверкал, а скромно сиял под окном, как и положено машине такого класса. Около правого борта стояли два мальчишки, махали руками и указывали на колеса.

Вчера – точнее, позавчера – случилась небольшая неприятность. Отвозя чертова Артемия домой, он заехал в убогий двор хрущевской пятиэтажки, предназначенный для столь же убогих автовазовских машин. Ксенькиного обожателя следовало выкинуть на улице, но перфекционист по жизни, Ганцев довез его до указанного подъезда.

Разворачиваясь в обратный путь, еще не привыкнув к габаритам «Хаммера», он задел задним бампером какую-то бетонную надолбу.

Сейчас на богатом красном фоне зияла уродливая царапина – прочерченная до белой грунтовки и напоминающая ссадину на душе невинной девственницы, соприкоснувшейся с реальной жизнью.

Ксенька таковой не являлась... впрочем, она тут была не при чем.

Царапину следовало устранить, пока она не пошла глубже.

Все подобные проблемы Ганцев решал в автосалоне «Опель», где был лучший в городе цех кузовного ремонта. Страховая компания отправляла туда неохотно из-за расценок, вдвое превышавших средние, приходилось решать вопросы через начальство.

Сейчас ремонт предстоял небольшой, Ганцев решил, что его можно сделать за свой счет, минуя КАСКО.

Встреча с китайцами – умноженная на утренние хлопоты вокруг обещанного Ксеньке компьютера – отодвинула решение вопроса на день.

Мальчишки видели эту царапину и сейчас смеялись над Ганцевской неумелостью.

Подумав об этом, он усмехнулся. Россияне водили машины, как питекантропы, ежедневно оббивали их обо все, что можно. Никого не интересовала царапина, они просто разглядывали джип, единственный в городе.

На асфальте перед парковкой можно было прочесть полузатертую надпись белой краской:

С ДНЮХОЙ, КСЮХА!

Кругом стояла тишина, лишь за спиной на торцовой стене глупо щелкали китайские часы в виде тарелки с парой нарисованных рыб.

Ганцев вздрогнул, ощутив тепло чужого тела.

– Ксения, – строго проговорил он. – Прекрати.

В ответ что-то зашуршало.

– Ксения, ты поняла, или нет?

– Поняла, дядя Слава.

Окно слабо отражало обоих.

В коротком цветастом халатике Ксенька казалась наивной.

А он – бруталом, каким не был.

И, самое главное, Ганцев не мог понять, каким образом вместо того, чтобы возвращаться в офис, он позвонил коммерческому директору Георгию, велел разбираться с китайцами самостоятельно, пересел на водительское место и приехал сюда.

– Мы живем в троглодитской пещере, дядя Слава. Законы тут пишут школьные кошелки в вязаных кофтах.

С подоконника ему заглядывали в глаза нежные, звездчатые белые цветы.

Элла обожала домашние растения, ухаживала за ними любовно и у нее круглый год что-нибудь цвело или здесь, на кухне, или в Ксенькиной комнатке или в большой общей.

– И вообще, дядя Слава, все гораздо проще.

– Ксения, я сегодня не собирался приезжать к тебе, – соврал Ганцев. – Я поехал домой, потому что забыл кое-какие документы, но...

– Но все вышло к лучшему, – продолжила она и обняла его из-за спины.

– Я... – возразил он, пытаясь расцепить ее руки. – Скажи хотя бы, тебе... тогда не было больно?

– Да ну вас, дядя Слава...

Сцепление стало еще более крепким.

– Вы такой нежный... никакого сравнения с моими озабоченными ровесниками. С вами...

Ксенькин голос прервался.

Ганцев смотрел на свой джип и ощущал томление.

Все являлось категорически недопустимым. Маргарита, Элла, Виктор и даже отключившийся Артемий – которого жестоко вырвало на крыльце подъезда, когда Ганцев тащил его к лифту – молча кричали, что происходящее лежит за рамками.

Но рамки устанавливал неизвестно кто, и он понимал, что сопротивление бесполезно.

– Что вы замолчали, дядя Слава, – сказала девчонка, прижавшись головой к его плечу. – Мне так нравится слушать ваш голос.

– А мне – твой, – признался Ганцев и повернулся к ней.

В этом чертовом халатике, кокетливом домашнем платье, Войтович-младшая была очень женственной.

И было незачем жить, не обладая ею.

– Дядя Слава... – заговорила Ксенька.

Не давая ей говорить, в кармане халата закукарекало.

– Извините, – сказала она и вынула телефон.

– Извиняю, – ответил он, не понимая себя.

– Да. Нет. Нет, говорю тебе, – жестко бросила Ксенька в ответ на глухо булькающий голос. – Ты что, не понял? Нет, я сказала, я занята. Вообще занята. Ты понимаешь по-русски, вообще? Все, отвянь, мне некогда.

Дав отбой, она выключила аппарат и бросила его на кухонный стол.

Стекло было разбито, Ганцев подумал, что после компьютера следует подарить девчонке хороший мобильник.

– Теперь все, дядя Слава, я в вашем распоряжении, – сказала она.

– Ксенька, Ксенька, – обреченно сказал он. – Зачем я тебе нужен? Я старше тебя.

– Ерунда.

Потянувшись, она стала ослаблять узел его галстука.

Кругом сомкнулись темноватые стены маленькой кухни Войтовичей. Чуть колебались раздернутые тюлевые занавески. Пестрел в углу старообразный «уголок», на котором Ганцев тысячу раз сидел между женой и другом, пил водку и под общий смех преувеличенно нежно целовался с Эллоу. Холодно молчала смешанная: с горелками и электрической духовкой – плита, за которой в магазин ездили на Ганцевской машине, тогдашней белой «Соренто», поскольку у Виктора сломался «Запорожец», купленный по ветеранской очереди отца. Нависал мрачный серо-желтый кухонный гарнитур, над холодильником поблескивала кичевая лазерная картинка в вычурной рамке. Пахло застарелым подсолнечным маслом, землей из цветка и недавно заваривавшимся растворимым кофе.

Перебивая кухонные ароматы, струился запах Ксенькиного дезодоранта и еще чего-то – непонятного, женского.

– Ксенька, мы с тобой жуткие грешники, – пробормотал Ганцев, нежно сжав ее пальцы у своей шеи. – Я знаю, что я должен сделать в данной ситуации.

– Что, дядя Слава? – по-синичьи прозвенела девчонка, глядя ему в лицо.

Зеленые-презеленые, ее глаза одновременно и плавильсь и пробивали насквозь.

– То, что положено взрослому мужчине, который тебя вырастил и всю жизнь носил на руках. Нашлепать по попе, закрыть за собой дверь, садиться в джип и спешить в офис, пока на другом краю света не разбежались чертовы китайцы. Но.

– Что «но»? – нежно уточнила Ксенька, справившись с галстуком, расстегнув несколько верхних пуговиц и шаря пальчиками по его груди.

– Но это сильнее меня.

– И меня тоже.

– И черт бы меня драл, но те мне все-таки не дочь.

– О чем я и говорю, дядя Слава. Я же позавчера на том берегу, перед тем, как... ну, в общем, заранее выяснила, что вы мне не отец. То есть нам как бы ничего нельзя, но на самом деле все можно.

Светло улыбнувшись, она взялась за его брючный ремень.

– Ты не Лолита, Ксенька, тетя Рита была не права, – сказал Ганцев. – Знаешь, кто ты?

– Кто?

– Ты – Лилит.

– Кто-кто?..

– Лилит, первая жена Адама. Исчадие ада, порождение дьявола, которую устрасился сам бог и обратил обратно в прах, потом создал послушную Еву из подкопченного ребра.

– И меня вы тоже обратите в прах, да?

– Нет. В прах обратишь ты, потому что я не могу тебе сопротивляться.

Щелкнул и загудел холодильник. Он пытался о чем-то предупредить.

– Пойдемте в комнату, дядя Слава, – предложила девчонка.

– Подожди, – возразил он, взял Ксенькино лицо двумя руками и нашел ее умелые губы.

Холодильник гудел и гудел, его никто не слушал.

– Ты заблокировала дверь? – спросил Ганцев, когда они яростно целуясь, очутились в передней, куда открывались двери комнат.

– Конечно, – она кивнула. – С этого и начала, не первый год живу на свете.

Девичья комнатка порозовела от стыда за хозяйку. Картинки на стенах пытались отвернуться, на столе рядом с гробоподобным монитором сидел белый слон без хобота, он тоже закрыл глаза.

– Раздевайтесь, дядя Слава, покидайте одежду здесь, – сказала Ксенька. – И пойдем в комнату к папахенам-мамахенам. Разложим диван, он шире, чем моя кровать.

– Но... – пробормотал он.

Все подошло к краю, но еще не перешло.

Еще можно было застегнуться и уехать.

– Не волнуйтесь, я застелю своим, они ничего не заметят.

Опустив глаза Ганцев заметил, что ногти на Ксенькиных узеньких ступнях покрашены фиолетовым. Кажется, в субботу такого не было.

Но, возможно, и было: в тот день он не рассматривал полудочку как женщину и ничего не заметил. А после того, как рассмотрел, началось такое, что не замечал уже ничего.

– Выдай мне, пожалуйста, какое-нибудь полотенце, – попросил Ганцев, обреченно снимая пиджак. – Пока ты стелешь, приму душ. Если уж на то пошло, чему быть – того не миновать.

– Ну наконец-то вы мыслите здраво, дядя Слава, – усталым голосом ответила полудочка.

4

– Ксения... – продышал Ганцев в простыню между Ксенькиным голым плечом и прядью ее двуцветных волос. – Ксенечка...

– Что, дядя Слава? – ласково отозвалась она, обнимая его тонкими руками. – Что, мой хороший?

– Ничего. Просто Ксения... и все.

Ксенька промолчала, только гладила его по голове, по плечам, по спине.

Во всем теле дрожала легкая пустота.

Кажется, никогда в жизни ему не было так изумительно с женщиной. Ощущения усиливались осознанием преступности происходящего.

– Мне с тобой так хорошо, Ксения... что даже передать не могу, – сказал он. – Если бы надо было умереть, умер бы сейчас. Потому что лучше уже не будет.

– Не умирайте, дядя Слава, – возразила Ксенька. – Мне с вами тоже хорошо до не знаю чего. А будет еще лучше.

– После того, что с нами случилось...

– С нами не случилось, – перебила она. – У нас началось.

– Началось?

– Да, началось. Началась новая жизнь.

Где-то в передней послышались осторожные шаги, потом что-то прошуршало уже тут по ковру и куда-то мягко шлепнулось.

– Что... это?..

Ганцев вздрогнул, подумав, что заблокированную дверь стоило проверить самому. Сердце вырвалось из тела и улетело за окно.

– ...Кто?

– Это Лапсик, дядя Слава!

Полудочка засмеялась.

– Вы что, о нем забыли?

– Сукин сын, – облегченно выдохнул он. – Я подумал, что все, кранты, засыпались.

Ксенька продолжала хихикать. Она опять стала не женщиной, а девчонкой.

– А где он был, почему я его не видел?

– Спал в моей комнате за горшком с аспарагусом. Услышал скрип кровати, решил проверить, что тут делается.

– Черти бы его взяли, – сказал Ганцев и перелег на бок. – Чуть не довел до инсульта. И поделом бы было старому дураку...

Дымчатый кот Войтовичей сидел на сложенном столе-тумбе и внимательно смотрел на них. Насмотревшись, он зажмурился и принялся вылизывать розовым языком лапку с черными подушечками.

– Могло быть и хуже, – сообщила Ксенька, лежа на смятой простыне в позе неоткормленной одалиски. – Он любит вспрыгнуть на постель и потрогать сзади лапой.

– Даже так? – Ганцев пришел в себя и тоже усмехнулся.

– Он не имеет в виду ничего плохого, просто ловит все, что движется.

Облизав лапу, кот принялся умываться, отмечая приход гостя.

– Он все видит, все знает, все понимает, но никому не расскажет, – пообещала Ксенька.

– Хотелось бы надеяться. Если расскажет, твоя мама и тетя Рита разорвут нас в клочки.

– Не расскажет, я ему доверяю.

Ксенька тоже повернулась, закинула на него длинную ногу, положила руку ему на грудь.

Перед глазами у Ганцева находился привычный интерьер большой комнаты, которая Войтовичам служила и супружеской спальней и гостиной и столовой, когда принималось больше гостей, чем пара друзей.

В одном углу стоял большой жидкокристаллический телевизор, под ним желто горело время на пишущем DVD-плеере, ниже на полке валялся ворох дисков – и лицензионных в красивых боксах и простых самописанных.

Вдоль длинной стены вытянулась мебельная «стенка» – черная, с модно изломанным фасадом. За стеклами и в открытых нишах пестрели книги, блестели безделушки. Самое почетное место занимал черный ламповый ресивер «Магнат», который Ганцев заказал Войтовичу через свою фирму по смешной для такого аппарата цене. Впрочем, и ту цену Виктор не озвучил Элле: наврал что-то насчет стоковой распродажи. Войтович-старшая, как всякая женщина, в технике не разбиралась и мужу поверила. Колонки, которые Виктор где-то раздобыл сам, до уровня девайса не дотягивали, были небольшими и чернели сверху по краям.

Дальше, у короткой стены, притулилось нечто среднее между очень маленьким письменным столом и очень большой тумбочкой. Виктор сейчас менеджерствовал в водоснабжающей организации, кое-что делал дома на ноутбуке.

На подоконнике стояли цветы, на стенах висели картинки – такие же убогие, как и на кухне.

Все было донельзя привычным.

Привычным был и диван.

Тысячу тысяч раз, оставив женщин на кухне, Ганцев сидел тут с Виктором перед телевизором, держал в одной руке стопку с водкой, а второй гладил кота, мягко урчащего на коленях.

Квартира Войтовичей была для него почти своей. Очень многое здесь носило след его руки. Кроме кухонной плиты и культового ресивера, без Ганцева не обошлась бы и Ксенькина комната. Трехсекционный платяной шкаф, где хранились носильные вещи всей семьи, из-за нехватки места стоял именно там. Габаритами и цветом – таким же черным, как и стенка в гостиной – он напоминал гробницу фараона, они с Виктором собирали его целый день. Да и новый линолеум в передней, по которому звучно шагал серый Лапсик, недавно привезли Войтовичу на «Газели», принадлежащей Ганцевской фирме.

Но сейчас эта знакомая, милая домашняя обстановка казалась зловещей, потому что тут только что совершилось нехорошее дело.

– Дядя Слава, вы есть хотите? – спросила Ксенька, приподнявшись на локте.

– Да нет, пожалуй, – отказался он. – Время обеда еще не пришло.

– А как насчет кофе?

– Кофе можно. Пойдем, выпьем.

– Лежите, я принесу.

– Кофе в постель мне еще никто не подавал, – он усмехнулся. – Да и вообще как-то принято наоборот. Но, признаться честно, я так расслабился... Буду тебе очень благодарен.

Кивнув, Ксенька спрыгнула с дивана.

Проводив глазами ее узкую фигуру, Ганцев подумал, что сам не знает, почему ему так хорошо с девчонкой.

С позиции телесных достоинств о ней не стоило говорить. Одна молочная железа Маргариты перевешивала все, что было – и чего не было – у Ксеньки.

Происходящее не укладывалось в понимание, но иначе идти не могло.

– Вам сколько сахара класть, дядя Слава? – донесся из кухни звонкий Ксенькин голос. – Одну ложку, две или три?

– Вообще без сахара. Побольше кофе, поменьше воды.

Лапсик доумывался, мягко перепрыгнул на диван, улегся серой шапкой у его плеча и замурчал. Он помнил гостя и принимал за своего.

– А большую порцию?

– Среднюю.

Почесав коту крутой лобик, Ганцев подбил подушку: пить кофе лежа было опасно.

– Дядя Слава, а я хочу татуировку сделать, – сообщила Ксенька, вернувшись и подав белую чашку на цветастом блюдечке.

– Какую? – спросил он, вдохнув приятный аромат. – Звезды вокруг сосков?

– Нет, не на титьках. Вот тут.

Девчонка похлопала себя ниже живота, который у нее был не выпуклым, а почти вогнутым.

– Зачем?

– Просто так, – ответила она и села на край дивана.

Линия Ксенькиной спины казалась детской. Чуть ниже поясницы еще не прошел темный рубчатый след от резинки. Ганцев не помнил, когда и как она снимала трусики.

– Сейчас это тебя прикалывает, понимаю, – сказал он, сделав маленький глоток. – А вырастешь, что будешь делать? Сама ведь говорила, что жизнь летит быстро.

– Сведу. Или сделаю совсем низко, на самом надписии. Потом отращу волосы, станет не видно.

Она знала ответы на все вопросы, в этом была прерогатива юности.

– А что нарисуешь? – поинтересовался он, выпив полчашки. – Розочку или паука? Или нарастающую луну?

– Ничего не нарисую. Просто напишу: «*I love you*».

– Круто, – согласился Ганцев. – И кого же ты любишь?

– Вас, дядя Слава.

Кот перетек к нему на колени и замурлыкал еще громче.

– Ксенька... – он вздохнул. – Ты хоть понимаешь, что говоришь? Ты когда-нибудь любила?

– Не знаю, – она беззаботно повела тонкими плечами. – Как-то не задумывалась. Сейчас кажется, что люблю вас.

– Именно что кажется, – Ганцев вздохнул еще раз, приподнялся, поставил пустую чашку на стол-тумбу.

– А вы?

– Что – «я»?

– Вы кого-нибудь любили, кроме тети Риты?

Вскользь брошенный вопрос взмутил осадок.

В отношении Маргариты он чем дольше жил, тем сильнее понимал, что их союз основан на надежном товариществе, а не на любви.

Любовь – ураганная и сметающая под откос все мысли – у него была с первой женой, Наташей. Но они были столь молоды, что не могли контролировать чувства и подстраиваться друг под друга, поэтому разбежались раньше, чем поумнели.

Вспоминать те времена Ганцев не любил. Память ожидавшегося, но не состоявшегося саднила, как белая царапина на красном кузове «*Хаммера*».

Но безбашенная девчонка за два дня завладела не только телом, но и душой, поэтому он помолчал и все-таки ответил:

– Любил. Мою первую жену. Но это было так давно, что уже как бы не правда. И не здесь, в Москве.

– В Москве?! А что вы там делали? – воскликнула Ксенька так громко, что Лапсик прыгнул острыми ушами.

– Женился после того, как учился.

– Вы учились в Москве, дядя Слава?

Плеер под телевизором щелкнул и загудел.

На дисплее вместо времени побежали текущие секунды. Виктор Войтович что-то поставил на таймерную запись.

– В Москве, Ксения, в Москве...

Ганцев испустил еще один вздох.

Вздыхал он сегодня бесконечно; ненужная связь с Ксенькой развинтила шлюзы, о которых прежде не подозревалось.

– А где, дядя Слава? В каком институте?

– В Бауманском училище.

– В училище?! А я думала, вы учились в университете. Мама экономист, работает в «Горавтотрансе»...

– Знаю, Ксения, знаю, – перебил он. – Все, что касается твоей мамы, мне известно.

– Я не о том. Знаю, что знаете. Мама один год типа ушла с работы, преподавала в училище... ну, то есть в колледже экономики и бухучета. Так вот, она говорила, что это – отстой.

– Колледж и есть отстой, кто бы спорил, – согласился Ганцев. – Просто институт так называется, по традиции – «Московское высшее техническое училище», еще с царских времен. В советские добавили «имени Баумана». На самом деле в СССР были три главных прикладных института: МВТУ, МФТИ и ленинградский Политех. Сейчас, конечно, все ушло в ноль, как и везде.

– Понятно, – сказала девчонка и опрокинулась на диван.

Не дождавшись внимания, Лапсик прыгнул с дивана и принялся демонстративно драть ковер, косясь прозрачным бледно-желтым глазом.

– Я тебе сейчас подеру! – прикрикнула Ксенька. – Башку отверну! Иди к своей когтеточке.

– Миу, – сказал кот.

– Иди-иди отсюда и не мяучь, – повторила она. – Хуже будет.

Обиженно муркнув, Лапсик удалился.

Через полминуты из кухни долетел грохот чего-то упавшего.

Жизнь продолжалась, для кота происходящее на диване было в порядке вещей.

– Дядя Слава!

– Да, Ксения, – не сразу отозвался Ганцев. – Слушаю.

Ему до сих пор было так хорошо, что не хотелось разговаривать.

– Хотите, скажу?

– Скажи, – позволил он. – Что именно?

– Знаете, почему я так на вас напрыгнула?

– Когда – сегодня?

– Нет, позавчера.

Она поерзала, придвинулась вплотную.

Ганцева обдало таким теплом, какого он не получал ни от одной из жен, не говоря про любовниц.

– В общем, дядя Слава, как-то раз я прочитала одну книжку.

– Как называется?

– Не знаю. Она была без обложек, и начала не было и конца, все насмерть оторвано, но там что-то говорилось про маленького лорда.

– Наверное, маленького принца?

– Нет, дядя Слава, о чем вы говорите. «Маленького принца» я сто раз читала – раньше нравилось, теперь поняла, что он сентиментальный придурок, вроде Артемия. Лорд, именно лорд.

– И что ты прочитала про лорда?

– Да в общем ничего. Там было слишком много чисто для взрослых, нашла у предков в шкафу. Они поняли, что я читаю – спрятали или даже выбросили. Но неважно.

– А что важно?

Как ни странно, в девчонке послойно открывались глубины, которых он не предвидел.

– Там была одна глава, ее я успела прочитать.

– Какая? О чем?

– Герой был парень. Вроде меня или еще младше. Не помню уже, то ли швед, то ли чех. И вот однажды он полетел на самолете. В первый раз в жизни. И от впечатлений чуть ну умер от страха.

– Какая ерунда, – невольно возразил Ганцев. – Умереть от страха в самолете, пусть даже в первый раз!

– Дядя Слава, я не сказала. Книжка про прошлый век, про самое начало. Самолеты были деревянные этажерки, каждый раз как последний.

– Тогда понятно, – согласился он. – И что дальше? Этот пацан вернулся домой и сменил штанишки?

– Нет. От полноты чувств изнасиловал тетку, которая была старше на двадцать лет.

Ганцев покачал головой.

– Так и я то же самое. Когда порулила вашим джипом, перессалась так, что потом взяла и вас изнасиловала.

– Ну насчет того, кто кого изнасиловал... Это большой вопрос, не будем уточнять, чтобы я не краснел.

– Не вопрос, – возразила Ксенька. – В таких делах все зависит от женщины, уж я-то знаю. Ответить было нечем.

Подумав, он сказал:

– Насчет джипа... Хочешь, сейчас поедем, покатаемся. Сядешь за руль, проедешь, чтобы больше не... бояться?

– Куда я поеду, – взрослым голосом сказала она. – У меня и прав нет.

– Это ерунда, – Ганцев махнул рукой. – Поедем на вертолетку, там катаются все, кто еще не имеет прав.

«Вертолеткой» назывался участок, примыкающий к областному ожоговому центру. Когда в 89-м году произошла необъяснимая катастрофа двух встречных пассажирских поездов в Улу-Теляке, раненых доставляли в их город как ближайший. Для посадки вертолетов – армейских «Ми-8», поскольку у санавиации истощилась материальная база – за несколько часов была расчищена, снивелирована и заасфальтирована площадь размером в городской квартал. Те времена канули в Лету, вертолеты списались по ресурсу, но идеальная «вертолетная площадка» стала излюбленным местом тренировок в автовождении.

В последние годы пошли слухи, что это место – бесполезное с коммерческой точки зрения – застроят точечными высотками. Но пока там было просторно и оставалась возможность порулить.

– Потом поедем в какой-нибудь ресторан... хоть в «Охоту», там всегда есть жаркое из кальмаров. Пообедаем или поужинаем, отметим...

Он сделал паузу.

– ...Сама понимаешь, что.

– А вам не нужно на работу?

– Ксения, моя работа – это не та работа, что у твоего папы. Не я работаю, а на меня работают. Могу вообще не появляться, руководить по телефону. Так поедем?

– Ресторан и все прочее оставим на потом, дядя Слава, у нас все впереди. А сегодня...

Ксенька помолчала, нежно глядя пальцами его грудь.

– ...Сегодня давайте чуть-чуть отдохните и повторим еще раз.

– Для закрепления отношений? – с невольной усмешкой уточнил Ганцев.
– Ну типа того.
– Я согласен, – ответил он.
– Хорошо. Вы полежите пока, а я пойду немножко умоюсь.
– Иди. Но сначала дай я поцелую твою грудь.
– Было бы что целовать.
– Ты ничего не понимаешь в женской груди, – возразил он.
– Если бы у меня была такая грудь, как у тети Риты...
– Ты ничего не понимаешь, Ксения, – повторил Ганцев. – Все, что сейчас между нами происходит – это... у меня нет цензурных слов.

Сосок был темным и круглым, как шляпка единственного на весь лес подберезовика, найденного позавчера – в прошлой жизни, еще не освещенной этой девчонкой, в которой сосредоточился весь ее смысл.

5

– Ксенька...
Ганцев помолчал, раздумывая, стоит ли озвучивать мысли.
– Мы с тобой совершаем чудовищную ошибку. Ты маленькая и глупая, а я старый дурак. Я не знаю, как теперь буду приходиться к вам в гости. И как ты будешь смотреть в глаза тете Рите.
Ксенька ничего не сказала.
– Возврата нет, это ясно. И не ясно, можно ли было иначе. Но последствия необратимы.
– Я не собираюсь смотреть в глаза тете Рите, – твердо ответила она. – Но даже если бы и посмотрела... Какая разница. Тетя Рита вас не любит.
– Что ты сказала? – уточнил Ганцев, ощущая легкие Ксенькины плечи на своей руке.
– Что слышали. Тетя Рита вас не любит, живет с вами только потому, что ей удобно.
– Это не так, – возразил он. – Совсем не так. Ты видишь то, что есть на данный момент. А так было не всегда. Да, сейчас я успешен и надежен – но поверь, начиналось все иначе. Я создал свой бизнес практически с нуля, не имел родительских капиталов. И без поддержки тети Риты я бы не поднялся, утух в начале. Даже сейчас не могу представить, что бы без нее делал. Тетя Рита надежная, как «Фердинанд».
– А кто такой Фердинанд?
– Не кто, а что. Немецкая самоходка времен второй мировой войны. На самом деле «Элефант», просто у нас ее звали по-другому. Мощная, быстрая, уверенная и умная. Стоит в укрытии, потом высунется, вдарит из пушки «88» – никому мало не покажется!
– И тетя Рита на нее похожа?
– Полная копия.
– И все равно она вас не любит, – упорствовала девчонка. – И вам изменяет.
– Откуда ты знаешь? – невольно спросил Ганцев. – Ты держала свечку?
– Ничего я не держала. Ни свечку, ни печку. Просто мама и тетя Рита подруги не разлей вода. Всё знают, всё обсуждают, всё делают для друг друга. Я слышала, тетя Рита говорила маме: «прикрой меня, если что». У меня память железная. Вам что, сказать, сколько раз это было, когда летом, когда зимой?
Ганцев вспомнил, что жена в самом деле иногда не ночевала дома, ссылаясь на школьную подругу без объяснения причин.
Ксеньке он поверил, ей не было причин врать.
Но нерадостное знание ничего не меняло.
Он не имел права укорять жену, лежа в постели с девчонкой.
Да и вообще, с Маргаритой они давно спали под разными одеялами.

Она имела право на полноценную чувственную жизнь.

– Вы совсем не ревнуете тетю Риту, дядя Слава? – поинтересовалась Ксенька.

– Об этом говорить не будем. Мы вместе столько лет, что теперь друзья, неразделимые по жизни. Всем известно, что человек существо полигамное. И, кроме того...

– Она вас не любит, а я люблю, – перебила она.

– Ксения, не говори о том, чего еще не понимаешь.

– А что – кроме?

– Сейчас я с тобой, а не с ней.

– Это радует, дядя Слава, и еще вы неправы в отношении моей мамы.

– В чем я не прав, Ксенька?

Кот не появлялся: видимо, успокоился и снова улегся за аспарагус – они лежали вдвоем, сплетясь телами.

– Ну ясное дело, неправ. Я имею интимное дело с ее дочерью, чего делать нельзя.

– Не в этом. В том, что она всю жизнь от вас без ума, а вы не делаете ни шага ей навстречу.

– Вот тут ты говоришь ерунду, Ксения, – возразил Ганцев, вспомнив язвительные реплики Эллы. – Твоя мама меня терпеть не может, ни одного слова без яда.

– Вы не понимаете, дядя Слава, – ответила девчонка. – Вы мужчина и смотрите по-своему. А я женщина и все вижу со стороны. Мама бесится потому, что вы смотрите на ее коленки и больше ничего не делаете. Вот и дерзит вам, как школьница.

– Как школьница, – повторил он, пораженный новым знанием.

– Ну да. Хуже школьницы на самом деле. Даже я не держу... не дерзю... ну, в общем, не говорю такие дерзости своим парням.

– Ну ты, Ксенька, черт бы тебя взял. Ты как-то слишком глубоко зришь в корень.

– А то. Я давно поняла, что мама вам нравится как женщина. Так какого фига вы столько лет держитесь?

– Ксения...

Ганцев вздохнул.

– Тебе рассказать все честно?

– Конечно честно, – она переместила ногу, лежащую поперек его живота. – Разве между нами сейчас может быть что-то нечестно?

– Если честно... – он помолчал. – Это было до твоего рождения, тебя еще не было в проекте.

– Верится с трудом, но поверю.

– Мы уже жили с тетей Ритой. Твоя мама с твоим папой стали бывать у нас в гостях. Не помню почему, но твоя мама всегда приходила в брюках. То в черных, то в серых. Но в один прекрасный день появилась в платье.

– В платье?

– Да. И в черных колготках.

– И?

– И я понял, что...

Ксенькина крошечная грудь смотрела укоризненно.

– ... Что только евнух мог не возжелать твою маму, прости.

– А вы не евнух, дядя Слава, сегодня я это поняла уже два раза.

– Точно так.

– Но дядя Слава, неужели тогда у вас не было реальных мыслей? Типа я семьянин, но ни от кого ничего не убудет, если?

– Именно так, Ксения. Такие мысли были. И скажу тебе, тоже честно... с тетей Ритой у нас никогда не было ни страсти, ни огня. Спокойные отношения со всеми допусками.

– Так в чем же дело, дядя Слава?

– В том, что твоя мама к тому моменту уже была женой моего друга, твоего будущего папы.

– Дядя Слава, простите, но какой вы все-таки дурачок! – воскликнула девчонка.

– Почему? – спросил он.

– Потому что мой папа вам не друг.

– Как... не друг?

Высказывания били лопатой по затылку.

– Почему не друг?

– Потому что. Вы простите, дядя Слава, но раз уж зашло по истине...

– Зашло как зашло. Так что ты хочешь сказать?

– То, что мой папа совсем не такой, как вы думаете. Он хитрый, как камбала.

– Камбала? – удивился Ганцев. – Разве она хитрая? Камбала плоская, хитрая – лиса.

– Лиса тоже хитрая, но по-другому. Она кого-то ловит. А камбала просто приспособляется. Я в инете читала статью. Положили ее на песок – становится как песок. Положили на шахматную доску – становится клетчатой. Так вот и мой папа такой.

– Да брось ты, Ксенька! – он потрепал ее по плечу. – Твой папа хитрый! Какой он хитрый?! Извини за прямоту...

Перед глазами чернел «Магнат», спаренный с CD-проигрывателем дизайна «суперслим».

– Все его приспособленчество – это слушать Аркашу Северного на технике класса «hi-end».

– Дядя Слава, я вас умоляю... – Ксенька вздохнула. – Мой папа такой приспособленец, какой вам и не снился.

– В каком смысле?

– В том, что при вас под вас подлаживается, без вас над вами посмеивается. То есть даже издевается.

– Посмеивается? – переспросил он. – Почему посмеивается?

– Не знаю. Наверное, завидует. Все время критикует ваши дела, ваши машины. И часто говорит: «Слава кладет все яйца в одну корзину, рано или поздно останется среди разбитой скорлупы».

– Даже так?

– Еще и не так. Когда вы пригнали из Москвы этот новый джип, папа сказал, что ну вот, теперь как в песне – «впереди на аргаме Шайморатов-енарал»!

– Ну и что, – Ганцев усмехнулся. – Командир башкирской кавдивизии генерал Шаймуратов был достойным человеком. Вот если бы твой папа сравнил меня с каким-нибудь патлатым задротом, тогда стоило обижаться.

– Эх, дядя Слава, дядя Слава!

Голос Ксеньки звучал умудренно.

– Какой вы наивный, боже мой. Как в том анекдоте: «Мля, так что, выходит, и Деда Мороза тоже нет?!» Посмотрите наконец правде в глаза. Папа вас использует и ничего не отдает взамен.

– Использует?

Ганцев подумал о линолеуме в передней, вспомнил слова Виктора о том, что он хочет поменять внутренние двери на массив, и опять не откажется от бесплатной доставки транспорта его фирмы.

Девчонке, не было смысла что-то придумывать, намеренно ссорить своего отца с Ганцевым, который уделял их семье почти столько же внимания, сколько своей.

Но не хотелось верить в ее правоту.

– Ну да, – ответила она, снова переворачиваясь на спину. – Мы к вам и вы к нам ходим часто, да?

- Да, конечно.
- Чем вы угощаете нас?
- Чем? ну, ясно чем. Красной рыбой, запеченными ребрышками, оливками...
- И этими... памперсами.
- Каперсами, – поправил он.
- Ну да, каперсами, все время путаю... – Ксенька вздохнула. – А чем кормит вас мой папа?
- А чем он нас кормит?
- Полувареной колбасой и хорошо, если к ней жареная картошка.
- Послушай, Ксения... – попытался возразить Ганцев.
- Даже слушать не хочу, – отрезала она. – Если вы слепой и не видите того, что на самом деле. Закрыли тему моего папы. Но с мамой я бы вам рекомендовала замутить. И ей радость и вы бы наконец потрогали ее коленки.
- И ты меня не станешь ревновать, если я... замучу с твоей мамой? – спросил он.
- Отношения с девчонкой развивались быстро, возможными сделались любые вопросы.
- Не-а. Что к ней ревновать? У вас все равно с ней ничего не выйдет. Мама холодная, как бочка с селедкой. Она даже папе ни разу в жизни не изменяла, слишком любит себя, чтобы напрягаться.
- А ты, выходит, горячая и напрягаешься?
- А вы еще не поняли?
- Понял, к сожалению.
- А почему к сожалению, дядя Слава? Вам со мной не хорошо?
- К сожалению потому, что мне с тобой слишком хорошо.
- Мне с вами еще лучше, но я не понимаю, почему вам хорошо со мной. Я, конечно, уже давно догадываюсь, что с тетей Ритой у вас...
- Замолчав, она пристально посмотрела ему в глаза.
- Правильно догадываешься, – после паузы ответил Ганцев. – Ты вообще не по годам догадливая.
- Но вы такой красивый, умный, богатый. Вам только два раза свистнуть, третий раз уже не нужно, слетится целая стая, разве нет?
- Пожалуй, и в этом ты права.
- Так почему вам хорошо со мной и почему вы приехали сегодня ко мне, а не к другой девчонке? У меня же ничего нет: титьки никакие, попа с кулачок...
- Насчет титек... – он вздохнул. – Иди сюда, я их поцелую.
- Поцелуете, еще успеете, – Ксенька отвела его руки. – Только скажите все-таки, почему к сожалению?
- Потому что у нас с тобой нет будущего.
- Она молчала, слушала внимательно.
- То есть у тебя оно есть, а у меня нет.
- Почему у вас нет?
- Разговор с девчонкой – каких Маргарита, вошедшая в возраст женской нетерпимости, называла непечатно – вышел на момент истины.
- С Виктором они не затрагивали подобных тем, ограничивались техникой и хозяйством, других друзей он не имел.
- И сейчас Ганцев разговаривал сам с собой, девчонка была лишь отражением.
- Но в глупышке ничего не смогло бы отразиться.
- Несуразная Ксенька оказалась настолько умной, что он ощущал себя ее ровесником. Точнее – ее равной себе.

– Потому что, Ксения, жизнь – это до сорока лет. После сорока – уже не жизнь, а борьба организма между оставшимися желаниями и сократившимися возможностями.

– У вас, дядя Слава, я как-то не заметила, чтобы что-нибудь сократилось, – возразила Ксенька.

– Это тебе показалась. На самом деле у меня сейчас только настоящее. Точнее, удержание на высоте момента. Будущего у меня уже нет.

– А у меня? У меня какое будущее?

– У тебя вся жизнь. Семья, дети, карьера. Прежде всего – окончить школу. Что, кстати, собираешься делать дальше? Или еще не думала?

– Давно придумала. Я люблю математику, люблю размышлять еще с тех пор, как вы научили меня играть в шашки. Кстати, с десятого класса мама перевела меня в математическую школу.

– В какую? В четвертую или в сто одиннадцатую?

– В сто одиннадцатую. В четвертой учителя слишком старые, им все уже пофигу, ничему на научат.

– И что, ты будешь ездить каждый день час туда, час обратно?

Их город, стоявший третьим по протяженности после Москвы и Санкт-Петербурга, имел дистанции огромного размера, а район улиц Гагарина-Королева и математическая школа №111 лежали на разных концах.

– А какая разница – читать книжку с котом на коленях или сидя в маршрутке? Буду учиться.

– А куда потом?

– Хотелось в университет, на математический факультет. Но вряд ли получится.

– Почему вряд ли? – спросил он. – Ты умная девочка, сегодня я это понял.

– Потому что у меня аттестат будет плохой. Я со всякими историями, географиями и языками не дружу, за два года в сто одиннадцатой медалисткой не стану. На бюджет не пройду по-любому. А на коммерческое...

Она поморщилась.

– Скорее ваш Кальтенбруннер женится на Саре Бернар, чем папахен раскошелится на мою учебу в универе.

– Ксения, нет нерешаемых проблем.

Ганцев помолчал.

Кажется, за любовь он мог воздать полудочке серьезнее, чем только новым компьютером.

– Я оплачу твою учебу. Сколько она стоит? Ну да, сейчас еще неизвестно. Но давай прямо сегодня... нет, сегодня уже не успеем, завтра. Завтра откроем депозитный счет на твоё имя, я положу тысяч пятьсот, их должно хватить.

– Дядя Слава, вы что, сдурели?!

Круглые Ксенькины глаза сделались квадратными.

– С какого фи́га вы будете платить за мою учебу? Вам что, денег некуда девать?

– Денег у меня есть куда девать, – ответил он. – И даже очень. Я люблю вкусно поесть, крепко выпить, проехать на хорошей машине, надеть костюм не Ивановского производства, отдыхать подальше от российских рож, и так далее. Но видишь ли...

Он помолчал, Ксенька смотрела изумленно.

– ...Все эти квартиры и машины... Сначала первостепенны, потом – уже потом. А обеспечить тебе будущее возможно, лучшее, что я смогу сделать в этой жизни. Детей у меня нет.

– А почему, кстати?

– Прежде всего потому, что я их не люблю.

– Не любите?

– Нет. От детей шум и проблемы. Когда отдыхал за границей, платил любые деньги, но жил в отеле, куда не пускают с детьми.

– А...

– Из всех детей я любил только тебя, Ксения, – перебил Ганцев. – Из любого правила есть исключение, подтверждающее его во всех остальных случаях. Ты мне не дочь, но ты дороже дочери.

– На самом деле, когда я начала что-то понимать, мне стало казаться, что вы меня любите больше, чем родной папа, – задумчиво сказала Ксенька. – И даже мама. Это как-то странно, но я так чувствую.

– Да, Ксения, – подтвердил он. – Ты чувствуешь правильно. Я любил тебя, одну на свете.

– Люби-ли? – переспросила она. – То есть сейчас уже не любите?

– Любил как ребенка. А теперь...

– Как женщину? – подсказала девчонка.

– Да. И все это очень плохо.

– Почему, дядя Слава?

– Я боюсь, что мы слишком сильно привяжемся друг к другу. И это добром не кончится. Поэтому, возвращаясь к вышеизложенному, завтра превентивно решим вопрос с твоей учебой.

Ксенька резко села на постели.

Маленькие грудки ее возмущенно колыхнулись из стороны в сторону.

– Дядя Слава, я от вас денег не возьму! – воскликнула она, взмахнув рукой. – Вот вы говорили про компьютер...

– Компьютер тебе сконфигурирован, его собирают, завтра доставят.

– Так вот, дядя Слава, я соглашусь принять от вас компьютер только потому, что мой уже почти сдох, а папа новый не покупает. А так я бы не взяла у вас даже на новые колготки.

– Насчет колготок, кстати, – сказал Ганцев, погладив Ксенькины неизящные коленки. – У тебя есть карта? привязана к телефону, или надо по номеру? Я тебе закину денег, на всякие мелочи вроде колготок. От тети Риты я знаю, какие они дорогие и как быстро рвутся. А ты должна всегда прекрасно выглядеть.

– Дядя Слава! – Ксенька выставила перед собой ладони. – Денег я от вас не возьму. Никаких и ни на что. Вам не за что мне платить.

– Извини, извини, Ксения, – он тоже помахал руками. – Я не хотел тебя обидеть, просто...

– Не возьму, – повторила она. – Потому что я от вас получаю больше, чем вы от меня.

– Возьмешь, – решительно сказал Ганцев. – Возьмешь все, что я тебе буду давать. Номер карты напишешь, буду время от времени перечислять. И за учебу заплачу. И буду дарить всякие подарки.

Ксенька молчала, глядела непонятно.

– Это мое условие. Или ты послушаешься и будешь принимать от меня все без единого слова, или я сейчас встану, оденусь и уеду. И никогда больше к тебе не приду. Никогда!

Еще не договорив, он ужаснулся словам, вылетевшим помимо воли.

Сказанное подтверждало намерения не расставаться с Ксенькой.

В самом деле, события развивались против воли.

– Но если послушаюсь, вы ко мне еще придете, дядя Слава? – тихо спросила она.

– Приду.

– Завтра?

– Завтра, чтоб нам обоим лопнуть по всем швам. Сам привезу тебе компьютер, установлю и настрою.

– Дядя Слава...

Ксенькин голос прервался.

Она упала Ганцеву на грудь, покрыла его лицо мелкими частыми поцелуями.

Это казалось абсурдом, но девчонка, кажется, привязалась к нему.

– ...А хотите, завтра я для вас надену чулки?

– Чулки? – переспросил он.

– Ну да. Надеть? черные? Все мужчины любят чулки.

– Я не фетишист, Ксения. На чулки приятно смотреть, они радуют глаз. Но когда хочется тебя ласкать...

Он пробежал руками по ее телу от плеч до детской попки.

– ...Когда вот так, лучше, чтобы ничего не было. Чтобы ощущать друг друга всей кожей.

– Знаете, мне тоже так кажется. И, знаете, дядя Слава, если вы в самом деле можете не возвращаться на работу, оставайтесь до вечера.

– До вечера? А если нагрянут твои родители?

Родители девушки были абсолютным злом, это он ощутил еще с Наташей. Припечатав друзей таким эпитетом, он автоматически переходил уровень незаконного любовника их дочери.

Ситуация развивалась с ураганной скоростью.

– Да бросьте, дядя Слава, – Ксенька снисходительно отмахнулась. – Я сейчас позвоню папахену и мамахену, каждому по отдельности. Навру, что приходили тетки из жилтоварищества с какой-то бумажкой, где нужны подписи владельцев квартиры. И просили точно сказать, когда вернутся взрослые, нужно ли приходиться сегодня еще раз. Только и всего.

– Ну ты Мата Хари, – восхитился Ганцев.

– А что делать: такова жизнь. Так вы останетесь, звонить им?

– Да нет, пожалуй, Ксения. Мне все-таки надо ехать на работу. Подчиненных следует держать в тонусе и время от времени подносить горелку к вставленным фитилям. Но сейчас...

Он помолчал, борясь с собой.

– Самое ужасное, что я опять...

– В третий раз?! – Ксенька встрепенулась.

– Ты, должно быть, устала? Ты все-таки маленькая.

– Да нифика я не маленькая и мне с вами хорошо, уже говорила. Я-то могу хоть в тридцать третий. Но вы? вам плохо не будет?

– Не будет, Ксения, не будет. Ты согласна?

– Я согласна на все, – ответила она и приникла к нему.

Ксенька была тысячу раз права, недостатка в кандидатках он не испытывал, хоть и не пользовался благами: не хватало ни времени, ни душевных сил ни на что, кроме подъема в бизнесе.

Но в сравнении с познанными женщинами эта девчонка безнадежно проигрывала. В ней не было ничего.

И в то же время в ней было все.

– А потом дадим ему внеплановую порцию «Китикета»? – неожиданно пробормотала Ксенька.

– Кому – ему? – спросил он.

– Лапсику. Ведь если нам хорошо, то ему должно быть тоже?

6

Одурманенный, растаявший в наплыве неясных чувств и эмоций, Ганцев одевался впопыхах. Потом неизмеримо долго целовал Ксеньку в передней, обнимал и гладил по голове.

В результате он забыл завести «Хаммер» из дома, джип встретил турецкой жарой.

Самым разумным было бы открыть все четыре дверцы и выпустить из салона горячий воздух, подержать так минут пять, потом захлопнуть, запустить двигатель и подождать еще

минут десять, пока включенный климат-контроль не сделает внутренние условия приемлемыми.

Но находиться около дома – который еще неделю назад был «домом друзей», а теперь стал «домом Ксеньки» – показалось невозможным.

Измочаленный вневозрастными усилиями, он вскарабкался в свой «Хаммер» и сразу поехал.

Уравнение теплопроводности, которое Ганцев изучал в курсе УМФ в Бауманском училище, имело фундаментальное решение с ограниченной скоростью. Автоклимат, работающий с такой натугой, что мелко вибрировала панель, не справлялся с температурой.

Проехав квартал, он почувствовал, что в салоне всплыл плотный запах Ксеньки. Это было объяснимо: он не принял душ, теперь сам пах девчонкой и их соединением.

Оставалось неясным, хорошо это, или плохо. Но ось времени не имела отрицательной части.

В офисе все было нормально.

Коммерческий директор кратко доложил о результатах переговоров с китайцами. Видео-встреча прошла более чем успешно; по результатам можно было полагать, что после реализации проекта удастся купить и новую квартиру и достойный автомобиль жене.

О том, что завтра можно оформить депозит ради будущей полудочкиной учебы, не стоило даже говорить.

Ганцев подумал, что в ближайшее время придется арендовать большой склад и самому слетать в Китай для подписания договоров, а Георгию пообещал повышение зарплаты после первой тендерной выплаты.

Перед концом рабочего дня пришел Газинур и сообщил, что техотдел сработал хорошо, компьютер для VIP-клиентки готов и периферия подобрана.

Ганцев дал ему сто евро бонуса из своей наличности и попросил, чтобы «железо» спустили вниз, погрузили в багажный отсек джипа и замаскировали какой-нибудь ерундой.

Все складывалось как нельзя лучше.

Завтра с утра, не заглядывая в офис, он мог ехать к Ксеньке.

А уже потом направляться в автоцентр «Опель», договариваться насчет подкраски бампера.

Глава третья

1

Ганцев привстал, проснувшись от некомфортного звука.

Где-то текла вода, грозя затопить весь белый свет.

Протянув руку, он ощутил обрезиненную поверхность прикроватных часов и холодный металл кнопки.

По огромной спальне плеснулся синий свет, в нем сверкнули хромированные извивы торшера, символизирующего рождественское деревце, отразились в зеркале над туалетным столиком Маргариты.

Прежде, чем подсветка погасла, Ганцев увидел, что часы показывают шесть минут третьего.

Вода пошумела еще чуть-чуть и смолкла.

Он сел на кровати, потряс головой и сориентировался в обстановке.

Вода падала из лейки «*тропического*» душа в ванной комнате нижнего этажа их двухуровневой квартиры.

Санузлов тут имелось два. Туалеты были оборудованы испанскими унитазами, чешскими раковинами и немецкими смесителями с гигиеническим душем, на стенах висели одинаковые зеркала, в которых отражались одинаковые полотенцесушители. Даже кафельную плитку, настенную и напольную, удалось подобрать сходного рисунка, отличающуюся цветом.

А ванн помещения были разными.

На «*спальном*» втором этаже стояла большая угловая ванна с гидромассажем. Она считалась Маргаритиной, в ней можно было купаться вдвоем и даже заниматься сексом. Но супруги Ганцевы сексом давно не занимались, не занялись и тут – ни в акриловой ванне, ни на необъятной кровати.

Санузлы первого этажа входили во владение Ганцева. В ванной стояла душевая кабина с многофункциональным смесителем. Мастера, которые ее устанавливали, предупредили, что в потолочном распылителе всегда остается вода, которая удерживается поверхностным натяжением и выливается в момент, когда температура достигает нужного показателя.

Сейчас момент наступил, вода вылилась и разбудила, поскольку лестничная шахта усиливала любой звук..

В последнее время Ганцев стал спать неважно; разбуженный не мог быстро уснуть.

Встав с кровати, он прошел к окну и распахнул балконную дверь.

Здесь можно было шуметь без опасения потревожить жену: та спала в своей спальне, оклеенной голубыми обоями, с панно из настоящей английской плитки в изголовье кровати. Мечта Маргариты сбылась, она имела отдельное помещение, отдельный платяной шкаф и даже личный балкон.

Правда, он выходил во двор, был маленьким и незастекленным. Герметизированная стеклопакетами утепленная лоджия, куда открывалась спальня, смотрела на недалекую реку и дарила самым чудесным из видов.

Окна лоджии были раскрыты, стояли на фиксаторах, в спальню ворвался холодноватый воздух ночи. Лето перевалило за половину, кончался июль, жара спала раньше сроков.

Неслышно прошаркав по пушистому ковролину, Ганцев снял с крючка толстый халат из двустороннего темно-зеленого бархата и вышел в холл второго этажа. Он был огромным, для освещения имелись целых две люстры.

Дверь Маргаритиной спальни была открыта: жена любила воздух, которого в этой квартире, имеющей площадь около двухсот метров, хватало с избытком. Проем глухо чернел, задернутые шторы не пропускали снаружи ни лучика.

Рядом открывалась дверь Ганцевского кабинета. Там не имелось балкона, зато два окна заливали солнцем его рабочий стол и коричневый кожаный диван у стены. Штор Ганцев не задергивал, сейчас в кабинете сияли окна противоположных домов, подрагивали фонари далекого шоссе.

Слабого отсвета хватало, чтобы по-кошачьи прокрасться к лестнице.

Датчик движения сработал исправно, по двум пролетам вспыхнул свет. Ганцев не стал вешать там люстру, не желая раздобывать пятиметровую лестницу всякий раз, когда перегорит лампочка, и разместил сферические светильники по стенам на высоте человеческого роста.

Плитка «*Примавера*» – испанская, кобальтовая с красными цветами и зелеными листьями, которой была выложена стена шахты – вспыхнула и заиграла.

Ганцев опустил руку на перила, установленные неделю назад. Дорогое красное дерево еще источало аромат, хромированные стойки сияли. Ступени из искусственного гранита ложились под ноги, маленькая площадка синела напольной плиткой, которая стоила столько, что за эту сумму какой-нибудь пролетарий смог бы обложить дешевкой и кухню и ванну и туалет от пола до потолка.

Верхний холл, уложенный паркетной доской цвета «*венге*», позволял пересечь его бесшумно. Нижний был гулким, каждый шаг отдавался в углях.

Его стоило называть «*прихожей*», но он таковой не являлся. В обычных российских прихожих люди упирались локтями в стены и балансировали на одной ноге, по одному сбрасывая ботинки. В этой – огромной, как гараж для автомобиля гольф-класса – стоял изящный красный диван, на котором могли комфортно разуться сразу два человека.

А пол, создающий звонкое эхо, был выложен «*ромбом*» в черно-белую клетку и вызывал мысли о временах Монтечки и Капулетти.

О друге Викторе, которого собственная дочь сравнивала с камбалой, способной мимикрировать под шахматную доску, Ганцев не подумал.

Лестничный свет погас, едва он вышел из зоны действия выключателя, почти сразу сработал локальный светильник – диодная сборка с датчиком, стоящая в розетке над полом.

Холл неярко осветился, в одном из дверных проемов показалась внутренность гостиной – огромный диван из белой кожи и панно из плитки «*Аквилон*» над ним. Маргарита была фанаткой кафельной плитки, количество ее в новом доме не поддавалось исчислению. Еще более огромный светодиодный *SMART*-телевизор прятался в тени, но от того не исчезал.

Напротив гостиной открывалась столовая, где стоял длинный стол из черной гевеи на двенадцать персон в окружении черных кожаных стульев, там не хватало лишь Гитлера в главенствующем торце. На противоположной стене поблескивали розетки – силовая, антенная и интернетская – в ожидании еще одного телевизора, пока не купленного.

По техплану квартира на улице с красивым названием «*Набережная реки Идель*» считалась четырехкомнатной: с тремя жилыми помещениями на втором этаже и одним на первом. Но Ганцев велел заложить кирпичом проем между узкой кухней и примыкающей столовой, вычленил ее отдельно.

В кухню проникало сияние двора, дежурный прибор в припольной розетке не сработал, полагая, что тут достаточно светло.

Вдоль стены слабо искрилась шестиметровая столешница, залитая из акрилового камня. Поблескивали дверцы гарнитура, у ближнего конца матово белел фасад посудомоечной машины.

Эта изумительная квартира была самым совершенством со всех точек зрения.

Ганцев купил ее после того, как сработала махинация по «школьному» тендеру, потом удвоил стоимость ремонтом, длившимся полтора года.

Они с Маргаритой бесконечно ездили по салонам и строительным рынкам, подбирали сначала обои, плитку, полы, потом – мебель. Он контролировал каждый вбитый гвоздь, вымерял каждый сантиметр, рассчитывал до мелочей все, вплоть до проводки домашнего кинотеатра, идущей от стене к стене под натяжным потолком.

Напольную плитку для нижнего холла пришлось искать два месяца: один вариант казался слишком шероховатым, в нем должна была собираться грязь, другой – зеркально гладкий – обещал падения, у третьего белый цвет казался сероватым, чернота четвертого отливала ненужной синевой...

О таких обязательных вещах, как кондиционеры и дорогая сантехника, не стоило говорить. Ступени для лестницы, не понравившиеся жене, Ганцев перезаказывал два раза.

Возня вокруг нового жилья, казалось, сблизила отдалившихся супругов.

Сейчас сказка для людей, ценящих жизнь, была полностью готова.

Она сияла чистотой, поскольку тут, как и на Гагарина, убиралась домработница, только другая – энергичная деревенская девушка, которую Ганцев от широты души время от времени угощал кофе. Причем не растворимым, а сваренным в дорогом эспрессо-автомате.

В этом доме стоило жить и заново радоваться жизни даже в конце пятого десятка.

Тропический дуришлаг выбросил еще серию капель, звук гулко донесся из спящего холла.

Ганцев открыл нижнюю дверцу холодильника – оригинального японского «Хитачи», привезенного под заказ.

На полке стояла бутылка водки «Белуга Голд Лайн», какую рядовой россиянин не только не пил, но даже никогда не видел.

Он налил себе большую стопку и вышел на балкон.

Со стороны двора всегда оказывалось теплее, тут можно было стоять в одном халате.

Водка, холодная и несравненно мягкая, отпустила душу.

В черном небе над домами пулевыми отверстиями зияли звезды. В астрономии Ганцев не разбирался, но узнал Большую Медведицу, ее ковш был известен с детского сада.

Впрочем, небесный узор с ковшиком не ассоциировался, ковши употреблялись только в деревне. Медведица напоминала ему колесную корзинку с длинной ручкой, атрибут современного супермаркета. Хотя и такой штукой Ганцев тоже не пользовался – всегда брал большую тележку, которую можно нагрузить с верхом и подкатить к машине на парковку.

Однажды он где-то прочитал фразу: «Август – месяц королей». В нынешнем положении Ганцев мог считать себя королем. Но почему-то надвигающийся август не обнадеживал.

Радость медлила за порогом бронированной двери.

Причина заключалась не в том, что они с женой спали по разным комнатам.

Как раз наоборот, ночное дистанцирование улучшило и облегчило жизнь. Теперь Ганцев мог каждый вечер напиваться до желаемого состояния, не мешая Маргарите беспокойным сном. А когда совсем не спалось, он проскальзывал в кабинет, закрывал дверь и о утра что-нибудь беззвучно смотрел на компьютере.

Не виновата была и Ксенька.

Связь с ней ничего не стоила по шкале семейных ценностей. Изменяя жене, Ганцев не изменял своему дому, а это казалось главным.

Да и вообще, физическая близость – точнее физическая верность – не стоила ровным счетом ничего, пока семья оставалась семьей. На то намекал еще автор иллюзорного «Маленького принца», граф де Сент-Экзюпери.

И, возможно, в Ксенькином «Маленьком лорде» говорилось о том же самом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.